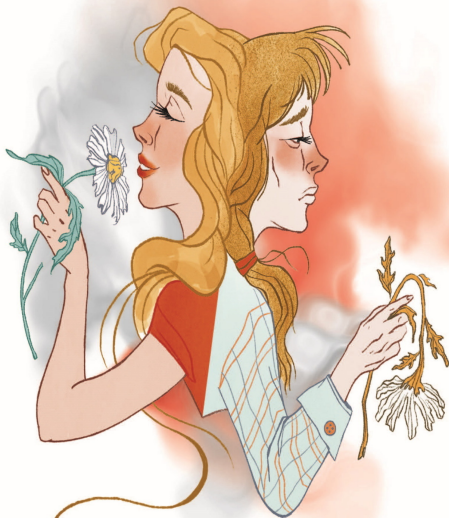

Алиса Даншох

*История болезни,
или
Дневник здоровья*

Алиса Даншох
История болезни, или
Дневник здоровья

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47102300

История болезни, или Дневник здоровья. – 2-е изд., доп. / Даншох А.:

ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024

ISBN 978-5-00246-158-5

Аннотация

Одна из многочисленных рецензий на книги писательницы, обозревателя «ЛГ» Алисы Даншох называлась «Книга – жизнь». Эти слова напрямую относятся к ее «Истории болезни, или Дневнику здоровья». Отдельные публикации сложились в книгу. В ней – то, что волнует каждого. И человеческие рецепты автора помогают излечиться почти от любой духовной и физической хвори.

Содержание

Книга о жизни	5
От автора	8
Глава I	10
Глава II	34
Глава III	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Алиса Даншох

История болезни, или Дневник здоровья

2-е издание, дополненное

Иллюстрации П. Белоноговой, Е. Катъшиевой

© Даншох А., 2024

© Фонд поддержки искусств «Арт-Линия», 2024

Книга о жизни

Существует множество способов описания различных ситуаций, связанных с болезнью человека, самим страдальцем. Это может быть прекрасный рассказ с подробным изложением психологических переживаний и физических страданий пациента, когда тернистый путь к выздоровлению похож на извержение вулкана «страстей человеческих» со счастливым или несчастливым исходом. Возможен и другой вариант: когда больной, повествуя справедливо, а иногда не совсем, отчаянно критикует все происходящее, разносит в пух и прах саму систему исцеления от болезней, что, видимо, приносит ему облегчение хотя бы в самих воспоминаниях. Но как умело автор книги, выбравший свой путь в этом нелегком деле, элегантно и ненамного совмещает прекрасное с полезным!

История медицины – это, как правило, беспристрастное изложение состоявшихся событий и фактов в их хронологической последовательности. Читателю-непрофессионалу в этой области очень скоро становится скучно от сухого перечисления происходившего, и он, даже сам того, может быть, не желая, пытается как можно скорее удалиться из этого пестрого и многофакторного мира.

Другое дело – история собственных заболеваний. Здесь все крайне важно и интересно, причем порою с диаметральной

но противоположных позиций. Даже самые незначительные события зачастую приобретают в голове больного человека знаковое значение и раздуваются до гигантских размеров. Существует и другая опасность у автора, пишущего о врачевании в целом. Это довольно часто встречающаяся фальшь, состоящая из целого ряда мелких неточностей (а дьявол, как известно, кроется в деталях), которые читателю-врачу сразу бросаются в глаза, и он уже никогда не будет ярим поклонником и приверженцем описываемых событий. Вспомните хотя бы книги и фильмы о хирургах. Я всегда боюсь их читать и смотреть, потому что узнаешь и увидишь такое, что даже при самом драматичном сюжете все начинает смахивать на банальную мыльную оперу с частично хирургическим уклоном.

Автору каким-то непредсказуемым элегантным образом удалось избежать всего этого. До самого конца книги читатель, даже будучи профессионалом-врачом, идет вместе с ним (автором) по всем описываемым нозологиям болезней, странам и островам, связанным тонкой нитью авторской пытливости в единое целое, будучи уверенным, что вот-вот и его осенит счастливая мысль, почему так радостно и легко все читается. Весьма интересно, как и в предыдущем произведении Алисы, представлены описания исторических мест с подчеркиванием их кулинарных отличий, поведенческих особенностей персонажей. Как всегда очень тонко следуя собственному лейтмотиву, автор оставляет за читателем

возможность и самому условно поучаствовать в происходящем и сохранить свое собственное отношение ко всему, что он еще не видел и не знал.

Самое главное, что эту книгу хочется перечитывать. Она надолго западает в подкорку и, практически не вызывая бури эмоций, остается чем-то очень и очень близким. Я от души завидую будущему читателю, так как ему еще предстоит погрузиться в это повествование, а я уже, к сожалению, его прочитал.

*А.М. Сдвижков,
профессор, доктор медицинских наук,
лауреат Премии Правительства РФ*

От автора

Как и почти каждого человека, меня ежедневно волнуют три проблемы: погода, еда и здоровье. Задавая вежливые вопросы «как поживаете?», «как себя чувствуете?», мы хотим вместе с ответом услышать и встречную реакцию, чтобы собеседник поинтересовался и твоим житьем-бытьем-самочувствием. В новой работе я подробно отвечаю на эти дежурные вопросы бытия. Уверена, что каждому из нас есть что вспомнить о пережитых моментах нездоровья, но не всегда хочется говорить о неприятном и болезненном. Однако мне кажется, что очень важно понять, как выпавшие на нашу долю испытания повлияли на жизнь в целом, научили ли они чему-то, помогли ли осознать что-то важное. Получились неторопливые «Воспоминания о здоровье» – о моем, конечно, и близких мне людей.

Для меня болезнь и здоровье подобны двуликому Янусу или сиамским близнецам, у которых одно сердце, совместные органы, одинаковый генетический фонд. Но в то же время они вечные соперники. Как же они уживаются в нас? Удастся ли им взаимодействовать? На эти вопросы я и пытаюсь ответить в «Истории болезни, или Дневнике здоровья».

Работая над книгой, я встречалась и разговаривала со многими и очень разными людьми. Меня поразило, как мало среди них тех, кто по-настоящему думает о собственном здо-

ровье, и еще меньше тех, кто предпринимает хотя бы минимальные усилия для его сохранения. Почему-то подавляющее большинство уверено, что визит к врачу и прописанные им таблетки немедленно помогут ликвидировать возникшие неполадки в организме. Какая наивность! Чтобы быть здоровым, надо много-много работать и понимать, что с тобой происходит.

Я надеюсь, что эта книга кому-то поможет справиться со сложностями на пути к здоровью, которое нам всем так необходимо.

Глава I

Проклятье старой большевички

Однажды ночью меня укусила кошка, и вот как это произошло. Я мирно спала в своей комнате-пенальчике первого этажа дома старых большевиков в Большом Афанасьевском переулке, когда меня разбудил страшный шум. С подоконника сами по себе падали цветочные горшки. Не дав ужасу охватить себя, я вскочила с кровати, решительно двинулась к окну, подбадривая непроснувшийся организм угрожающими выкриками «Пошли вон!», отдернула занавеску и взвыла от боли.

Кошка, очевидно ошибившись входом в родное гнездо и ошалев от неласкового приема кактусов и чужого недружелюбного голоса, отчаянно вцепилась в мою ладонь, прокусила основание большого пальца правой руки и с диким мяуканьем скрылась в предрассветной форточке. Плача от боли и обиды, я долго держала травмированную кисть под струей ледяной воды, пока она не окоченела и кровь не перестала течь. Затем я обильно полила раны спиртовой настойкой календулы – единственным лекарственным средством, оказавшимся в моем распоряжении в сей ночной час.

К календуле я питала нежные чувства и летом всегда покупала у старушек возле метро букетики огненно-оранжевых цветов, которые прекрасно смотрелись в утонченно вытянутой вазочке баккара в стиле арт-деко. Эта вазочка, вместе с еще несколькими выжившими в революционной буре вещами, напоминала о счастливой капиталистической поре

процветания бабушкиной семьи. Кроме календулы в вазочке отлично себя чувствовал нежный цветной горошек. Он распространял по комнате изумительный аромат, которым невозможно было надыхаться. Мне так нравились эти цветы, что я круглый год снабжала себя коробочками мармелада с таким же названием. Сладкие усеченные кружочки окрашивались кондитерами в зеленые, белые и розовато-сиреневатые цвета, обсыпались мелким бисером сахарного песка и отличались друг от друга по вкусу.

На 8 Марта бабка принимала еще один приятно пахнущий цветок – гиацинт. В возрасте шести лет, покоренная запахом сего предвестника весны, я решила сделать бабушке сюрприз, изготовив из него духи. Когда цветики потеряли первоначальную свежесть, я порезала их на мелкие кусочки, заложила полуфабрикат в алюминиевую кружку, залила холодной водой, засунула посудину под кровать и стала ждать. Поначалу я каждое утро заглядывала в кружку, приносиваясь к ее содержимому. Несколько дней ничего не происходило, чарующий аромат не появлялся. Более неотложные и важные дела отвлекли меня от процесса создания собственных духов, и гиацинты были забыты. Недели через три приходящая тетенька, помогавшая бабушке по хозяйству, продемонстрировала не свойственное ей рвение в борьбе за чистоту и извлекла из пыльных подкроватных глубин кружку с чем-то черным, покрытым шапкой плесени. Бабушка очень обрадовалась столь неожиданному возвращению нужной в

хозяйстве посуды, к тому же находка полностью реабилитировала соседку Андревну, ранее подозревавшуюся в незаконном присвоении изделия из алюминия. А вот я чрезвычайно расстроилась: во-первых, мне пришлось сознаться в тайном загоне кружки под спальное место, а во-вторых, парфюмерный опыт позорно провалился. Мало того, что гиацинты вместо превращения в духи попросту сгнили, они еще стали пахнуть грибами. Чтобы меня утешить, дедушка рассказал историю изобретения пенициллина, который по мощности воздействия на человечество мог бы образно сравниться со взрывом атомной бомбы. Рассказ о полезной плесени меня впечатлил, и я стала подумывать о карьере врача-исследователя. В ожидании поступления в медицинский институт я каждое утро начинала с уколов пенициллина подвластным мне игрушкам, однако перенесенный вскоре тяжелый грипп с температурой сорок градусов и всамделишные инъекции могущественного препарата в собственную попу приостановили тягу к научной деятельности.

В детстве я болела нечасто и, как правило, полагающимися возрасту заболеваниями. Инфекционные коклюш, корь, ветрянка, свинка чередовались с простудными – ОРЗ, ангиной, воспалением среднего уха. Жизнь между первыми и вторыми разнообразилась легкими бытовыми травмами: занозами, порезами, ожогами, царапинами, ушибами и разбитыми коленками. С несерьезными телесными повреждениями я довольно быстро научилась справляться самостоятельно.

но. К ушибам разных частей тела я прикладывала серебряные изделия – за неимением льда ввиду отсутствия морозилки в нашем крошечном холодильнике. Защемленные недружественными дверями и дверцами пальцы я держала под струей воды общественного крана на кухне. Вода была исключительно ледяной, другой и не водилось в доме с индивидуальным печным отоплением.

Дворовая неотложная помощь научила меня, что собственная слюна и подорожник – прекрасные антисептические средства. Сначала плюешь на рану, а потом накладываешь на нее произрастающий в каждом московском дворе целебный листочек, предварительно обтертый об себя. Морем и солнцем – другими прекрасными антисептиками – можно было пользоваться только в летние месяцы, да и то в случае непосредственной близости к ним. Неприятность, случившаяся во время прогулки по горам Карадага в Коктебеле, расширила мои медицинские познания.

Наш небольшой дыхательный отряд из деток и их мам-пап медленно взбирался по тропинке, ведущей к Сюрю-Кая. Друг друга мы подбадривали знаменитым шлягером Дунаевского из фильма «Дети капитана Гранта»:

«А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!»

О каком-либо дуновении воздуха в этот жаркий июльский

день можно было лишь мечтать. Наконец, взрослые решили, что пора делать привал. Все расположились под раскидистым деревом одичавшего грецкого ореха. Прежде чем испить тепловатой воды из извлеченных фляжек, командное звено решило послать девочек налево, а мальчиков направо. В мгновение ока детки рассыпались по зарослям низкорослого крымского дуба, ища подходящее местечко для освобождения мочевого пузыря. И вдруг раздался дикий вопль, от которого даже хор неумных цикад слегка приумолк. Все стремглав бросились к месту стоянки, решив, что произошло нападение дикого зверя или кого-то укусила сколопендра, а может, и коварная ядовитая змея. Вскоре выяснилось, что один из младших членов экспедиции при вступлении в контакт с красивыми цветами был вероломно атакован кустом неопалимой купины. Мальчик не знал, что это растение концентрирует в себе большое количество эфирных масел и от поднесенной спички вспыхивает мерцающим голубоватым пламенем. В качестве самозащиты купина обжигает незащищенную кожу ни о чем не подозревающего человека.

В этот день окружающая среда преподнесла своим пользователям наглядный урок: «Люди, соблюдайте правила совместного с природой проживания. Не хватайтесь голыми руками за незнакомых представителей флоры, не лезьте в муравейники, не трогайте осиные гнезда. И смотрите под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь гада. Отправляясь на самую безобидную прогулку в горы, надевайте удобную

обувь, длинные штаны, рубашки с рукавами до запястья. Ну и, конечно, украшайте голову, особенно детскую, шляпой, панамой, косынкой, кепкой, на худой конец носовым платком, ибо солнечные лучики не дремлют».

С возрастом я поняла, как важно иметь при себе скромную аптечку. Теперь со мной всегда из дома выходят валидол, таблетки от давления и от головной боли, пластырь, ношпа, влажные антибактериальные салфетки и активированный уголь. Однако в тот далекий июльский день в Крыму ни у кого никакой аптечки не наблюдалось. Все обступили рыдающего от боли мальчика, сочувственно разглядывая образовавшийся от ожога пузырь. И тут одного из взрослых осенило, в мозгу высветилось средство старой няни – приложить к поврежденному участку компресс из свеженькой мочи. В дело пошел чей-то носовой платок, нашлась и урина. Старушка няня не подвела: от оказанной по ее рецепту помощи боль у пострадавшего утихла, пузырь сплюснулся, все возрадовались и продолжили восхождение. Столь простой, доступный, эффективный и совершенно безопасный способ борьбы с небольшими по площади поражения ожогами до сих пор состоит у меня на вооружении. Ему я отдаю предпочтение, несмотря на значительное количество других средств, предлагаемых аптеками.

Было бы преувеличением сказать, что я любила болеть, но дополнительное внимание окружающих, отступление от строгого школьного режима мне нравились. Как у всякого

нормального городского ребенка, у меня были проблемы с гландами и аденоидами. Согласно моде того времени, врачи жаждали меня от них освободить, а одноклассники с удовольствием делились полученным опытом по их удалению, несколько приукрашивая пережитое страдание и больничные приключения. Дедушка с бабушкой, с которыми я жила, не торопились соглашаться на хирургическое вмешательство в мой растущий организм, предпочитая консервативные методы. Летом они традиционно вывозили ребенка к морю, а все остальное время года подвергали внучку закаливанию. Три раза в неделю я ездила в Лужники на занятия общей физической подготовкой, каждое утро после зарядки переходила к холодным обтираниям, а зимой выезжала за город на длительные лыжные прогулки. Несмотря на все превентивные меры, мне все-таки удавалось выкроить несколько дней в году на пребывание в постели с большим ухом или горлом.

Однажды моя ангина совпала с Днем Советской Армии. И дедушка, и папа были солдатами Великой Отечественной войны, и наша семья традиционно отмечала 23 февраля. В этот день бабушка пекла свои фирменные пирожки с капустой, а вечером в Серебряном переулке Старого Арбата, где мы тогда жили, собирались папины друзья. Все приходили после работы, то есть ближе к восьми, а тут первый гость появился задолго до означенного времени. Им оказался папин однокурсник Аркадий Стругацкий. Бабушка хлопотала на кухне, дедушка делал последние закупки, и будущее-

му великому фантасту ничего не оставалось, как только общаться с больным ребенком. В 24-метровой комнате одного из бывших особняков князей Оболенских мне отводился закуток между частью стены и двумя шкафами. Плотный полосатый занавес отделял детскую от жилого пространства взрослых. В моей горнице без окон и дверей было уютно, очень книжно, и ни один квадратный сантиметр не пропадал даром. Кроме стула, кровати, бесконечных книжных полок, уходящих ввысь к потолку с лепниной, аккуратного секретера, служившего одновременно и письменным столом, и белевым шкафом, закуточек располагал круглым черным репродуктором с одной-единственной радиопрограммой, навесным резным шкафчиком-аптечкой, ночным горшком и небольшим ящиком с игрушками.

Войдя в мои апартаменты, Аркадий окинул изучающим взглядом обстановку, поинтересовался самочувствием и завел разговор о книгах. Он спросил, много ли я прочла из того, что стоит на полках. Скрыв от него истинное положение вещей, то есть мои пока еще слабые навыки в чтении, я уклончиво ответила, что здесь находятся в основном книги для взрослых, а моя личная библиотека живет над секретером. Осознав, что с шестилетним ребенком трудно будет обсудить «Безобразную герцогиню» Фейхтвангера, он переключился на изобразительное искусство, взял с полки каталог Третьяковской галереи, и мы отправились бродить по залам музея. Это виртуальное посещение сокровищницы оте-

чественной живописи произвело на меня сильнейшее впечатление. Пробежав по экспозиции икон, промчавшись мимо Венецианова, Левицкого, Боровиковского, мы притормозили у полотна Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Первый экскурс в трагическую историю государства Российского с наглядным нелицеприятным примером меня ошеломила. Забыв про больное горло, я в волнении сжевала две сдобные булочки с корицей домашней бабушкиной выпечки, запив их чашкой клюквенного киселя, подернутого толстой пленкой долгого ожидания. Не знаю, что еще бы я проглотила, но тут подоспел дедушка и избавил меня от описания кровавых разборок жестокого царя Ивана. Однако вечером подскочила моя успокоившаяся было температура, а ночью мучили кошмары. Через несколько лет я получила от Аркадия Стругацкого в подарок его книгу «Понедельник начинается в субботу» с трогательной надписью: «Моему маленькому другу, младшему научному сотруднику...». Сногсшибательные приключения м.н.с. Шурика Привалова в Научно-исследовательском институте Чародейства и Волшебства были мною проглочены мгновенно и с восторгом.

К этому времени я уже читала по-настоящему, то есть запоем, а вхождению в прекрасный мир чтения способствовала корь. Я четко шла по графику детских инфекционных заболеваний, чему содействовали школьные эпидемии. Освоив коклюш и ветрянку, я узнала, что при первом заболевании любой подъем на летательном аппарате к небесам зна-

чительно облегчает мучительный кашель, а при втором главное – не сдирать пузырья, ибо на их месте остаются не украшающие человека оспинки. Каждый выскочивший прыщ надо обильно и тщательно мазать зеленкой, чтобы: а) он перестал чесаться и б) скорее подсох и отвалился по собственному желанию. Сегодня мы знаем, что возбудители ветряной оспы и опоясывающего лишая – это братья-близнецы и можно значительно облегчить участь заболевшего, если в первые три дня он будет принимать соответствующий препарат.

Когда наступила очередь кори, моя главная сиделка – бабушка – развлекал внуку чтением вслух романа Александра Дюма «Три мушкетера». Я была так увлечена сюжетом, и мне так хотелось узнать, что еще произойдет, что, не дожидаясь бабушкиного свободного времени, я ухватила за толстый серо-голубой том и не расставалась с книгой до полной и окончательной победы д'Артаньяна и его друзей над превратностями судьбы и врагами королевы.

Через год после кори, которая во взрослом состоянии весьма опасна, плохо распознается и может нанести непоправимый вред мужскому здоровью, меня посетила свинка. Забрела она ко мне в мае и совпала с увлечением Чарльзом Диккенсом. По случаю прекрасной погоды и с согласия владелицы дворового палисадника меня после завтрака укладывали на раскладушку под отцветающей вишней, предварительно завернув в розовое вязаное одеяло и наложив свеженький компресс на распухшие железки. Обливаясь горя-

чими слезами, я сначала бесконечно сочувствовала героям романа «Домби и сын», а потом страшно переживала за судьбу бедного Оливера Твиста.

Теперь я думаю, что мне бесконечно повезло с дифтеритом и скарлатиной – они обошли меня стороной. А ведь не сделай они этого, я могла бы раньше времени познакомиться с творчеством Достоевского и в качестве осложнения получить депрессию. Впрочем, во времена моего детства слово «депрессия» широкого хождения не имело. О людях, в нее впавших, говорили: «хандрят» или «подавлены». А чаще: «Да сами не знают, чего хотят, вот и вытрясываются». Была среди друзей нашего дома врач Лидия Романовна Лурье, которая как раз и занималась теми, кто, слишком сильно «вытрясываясь», попадал в психиатрическую больницу имени Ганнушкина, где она долгое время занимала пост заместителя главного врача.

Профессия видимого влияния на характер Лидии Романовны не оказала – была она милым, добрым, приятным человеком. Все, кто с ней встречался впервые, непременно думал: «Какая же она была хорошенькая в молодости, если даже сейчас, когда ей за пятьдесят, она все еще так милостива». Лидия Романовна скрывала от партийных медицинских кругов свою приверженность идеям Зигмунда Фрейда, верила, что людям можно помочь, и выписывала старшему поколению нашей семьи рецепты на снотворные. Жила она в нашем Серебряном переулке, в ведомственном доме напротив

военного госпиталя, в большой четырехкомнатной квартире с многочисленными домочадцами и их чадами. Ее брат, известный невролог, написал «Маленькую книжку о большой памяти», в которой описывал необыкновенных пациентов, чьи возможности запоминания приближались к бесконечным. С внучками Лидии Романовны я училась во французской спецшколе, недалеко от резиденции американского посла Спасо-Хаус, где задолго до Нового года на балконе появлялась нарядная сверкающая рождественская елка и где несколько раз в году устраивались приемы. По их окончании вся округа оглашалась сурово-начальственным голосом из репродуктора: «Машину посла Франции к подъезду». И любопытная толпа с нескрываемым восторгом рассматривала иномарки с садящимися в них дамами и господами в вечерних туалетах.

Окна нашей школы смотрели на жизнерадостную пятиглавую церковь, по которой только и можно было догадаться, что перед тобой изменившийся почти до неузнаваемости «Московский дворик» Поленова. Там, где у художника на картине растет травка, теперь был разбит сквер с бюстом Александра Сергеевича Пушкина, а вместо одинокого мальчугана паслись многочисленные детки с мамами, бабушками и нянями. Ходила и я в этот сквер к Валентине Фроловне. Она организовала нечто вроде частного детского мини-садика. Было нас в группе человек десять дошколят, и каждый приходил со своим бидончиком еды. После прогулки мы

под бдительным оком нашей смотрительницы отправлялись к кому-нибудь из согруппников домой, где вкушали принесенную с собой еду, после чего предавались интеллектуальным занятиям – игре в лото или чтению вслух – до тех пор, пока за поздним часом нас не разбирали родственники.

Как-то весной, когда теплые рейтузы получили отставку, а их место заняли носочки, украсив бледные детские ножки, мы играли в классики, расчертив квадратами асфальтовую дорожку сквера. Неудачно прыгнув вбок, я не удержалась на ногах и, упав, сильно разбила колено. Кровь текла по ноге, я плакала от боли и страха испачкать новые белые носки. Временно перепоручив своих подопечных дружественной тетеньке, точно так же выгуливавшей детишек, Валентина Фроловна повела меня в школьный медпункт. Суровая медсестра для начала обработала колено перекисью водорода, а потом выкрасила его бриллиантовой зеленью. Рыдать в голос мне мешала незнакомая обстановка, и я тихо всхлипывала от бесконечной жалости к себе и от обжигающего эффекта кровоостанавливающих средств. На прощанье неласковый белый халат дал мне мензурку с отваром валерьяны и скомандовал: «Не хныкай! Выпей и успокойся!» Я с трудом выдавила из себя: «Спасибо». И ведомая за руку добрейшей Фроловной, прихрамывая, вернулась в сквер. С тех пор все порезы, ранки и раны я всегда обрабатываю перекисью и потом смазываю зеленкой или ярко-красной жидкостью Каstellани. Сравнительно недавно я узнала, что бутылочки с

этими лекарствами лучше сохраняются в холодильнике, тогда как спиртовая настойка календулы прекрасно выживает в любых условиях.

В ту далекую летнюю ночь, когда меня укусила безвестная кошка, пузырек с календулой обнаружился в моем секретере и оказал мне первую медицинскую помощь. В восемь часов утра, к моменту открытия поликлиники, я уже стояла у регистратурного окошка. По выданному талончику меня принял хмурый, не выспавшийся от молодости врач-травматолог. Выслушав историю про ночное происшествие, он без лишних слов сделал второй в моей жизни внутримышечный противостолбнячный укол. Первый я получила в раннем возрасте, после того как пыталась отнять кость у болонки Джонни. Кость, с моей точки зрения, была слишком большой для такой маленькой собачки, и я боялась, что животное ею подавится. Однако Джонни считал иначе и отстоял свою собственность единственным доступным ему способом, цапнув меня за руку. Я получила прекрасный и очень болезненный урок по правилам обращения с домашними животными. Я его хорошо усвоила и больше никогда не приставала к собакам, выражая мое к ним отношение исключительно словесно-декларативным образом. Например: «Ну ты и классный пес!»

Если с собаками я общалась издали, то с кошками была накоротке. С общего согласия соседей в нашей арбатской коммуналке жила полосатая Пуся, гулявшая сама по себе ту-

да-сюда через кухонную форточку первого этажа. Она пользовалась несомненным и весьма ощутимым успехом у местных котов, и два-три раза в году мы получали вещественное тому доказательство в виде котят.

После неожиданной кончины нашей дворовой примадонны освободившееся место квартирного любимца занял ее родной сын Пус – крупный экземпляр ловца мышей из последнего помета с окраской а la зеркальный карп. Он, как и его мать, любил вольную жизнь и лишь позволял кормить себя вареной рыбой, всегда поджидавшей его на кухне в миске под раковиной. Пус часто отдыхал на развилке дерева у нашего окна, что послужило причиной несправедливых обвинений со стороны старой большевички и персональной пенсионерки со второго этажа. Она уверяла, что кот, пользуясь ее отсутствием, тайно проникал в комнату через балкон и воровал из холодильника мясо. Она требовала принять строгие меры и наказать похитителя чужой собственности, тем более что говядина была не простая, а из спецраспределителя для людей с особыми заслугами перед Родиной. В присутствии раскипятившегося члена ВКПб с семнадцатого года бабушка сурово выговаривала Пусу: «Не ходи на второй этаж, не ешь чужое мясо, у тебя своя рыба есть». Кот слушал, недоуменно жмурясь, и, возмущенный большевистскими инструкциями, начинал рьяно приводить в порядок свою меховую одежду модной дизайнерской окраски.

Однажды Пус пропал, а вместе с ним и многие другие

ночные завсегдатаи мусорных баков, что привело к незамедлительному росту поголовья грызунов. Мы не сомневались, что котов извела команда Шарикова, которую вызвала мстительная большевичка. Доказательств у нас не было, однако, встречая нас, кошконеуважительница вызывающе смотрела в сторону, и мы перестали с ней здороваться в знак протеста. Нового мурлыку решили не заводить, а прежнего вспоминали с грустной улыбкой, непременно отдавая должное его чистоплотности и умению себя вести. Всю недолгую жизнь Пус демонстрировал тактичность, никого грубым «мяу» не обидел, всегда приветливо взмахивал хвостом при встрече, со спокойным достоинством ел рыбу, дремал, свернувшись на коврик у входной двери, или, вальяжно раскинувшись на кушетке, урчал от удовольствия. Он никого ни разу не оцарапал, чужого ни в лапы, ни в рот не брал и мученически погиб в застенках живодерки. Я всегда относилась к животным лояльно, особенно к кошкам, и если говорила им «брысь!», то без злобы, исключительно для поддержания порядка, поэтому ночное нападение на меня дальнего родственника собственного кота Пуса было чрезвычайно обидным, незаслуженным и очень болезненным.

Сделав укол и сведя тем самым к нулю возможность моего организма поддаться столбняку, невыспавшийся доктор хмуро спросил:

– Кошка была ваша?

– Нет, неизвестная, свалилась ночью на кактус, – ответ-

ствовала я, обиженно глядя на распухшую и потемневшую от календулы кисть.

– Опознать сможете?

– Помилуйте, ночью все кошки серы, а я спросонья...

– Жаль, – прервал меня доктор и что-то записал в лежавшую на столе медицинскую карту, – придется вам колоть антирабическую сыворотку.

– А это еще зачем?

– Чтобы не заболеть бешенством.

– А почему я должна им заболеть?

– Ваша ночная кошка – возможный носитель смертельной болезни. Если она больна, а вы не пройдете курс лечения, то умрете.

Мне совершенно не хотелось умирать, особенно с утра, без завтрака и без чашки кофе арабика. Не спрашивая разрешения, слезы бесконечной любви и жалости к себе навернулись на глаза. Я уже представила сцену своих похорон, горе бабушки, проблемы с кладбищем. В мозгу вдруг прокричалась народная поговорка: «Десять верст для бешеной собаки не крюк». Затем всплыла сцена из симпатичного американского романа Харпер Ли «Убить пересмешника», в котором отец главной героини адвокат Аттикус метким выстрелом убивает бешеного пса, чем вызывает у собственных детей гордость и восхищение, а у жителей городка уважение и благодарность.

Уже в следующую минуту услужливая память подсуну-

ла страничку из учебника французского языка для учащихся седьмого класса с иллюстрированным текстом про выдающегося ученого Пастера. На картинке создатель чудодейственного препарата против смертоносного вируса бешенства выглядел немолодым, носил докторский халат и аккуратно подстриженную бородку по моде середины девятнадцатого века. С усталым достоинством он сидел в кресле уже более ста лет, и его благородное бронзовое лицо было обращено к мальчику и собаке. Очевидно, с помощью изобретенной сыворотки Пастеру удалось спасти обоих – и укушенного, и укусившего. Присутствие мальчика с благодарственным выражением на личике вполне оправданно: таким образом никто не перепутает француза с русским Павловым, одарившим человечество при помощи пса условным рефлексом, а вот собака при Пастере все же вносила некоторую путаницу. Хотя, возможно, я и ошибалась, и на картинке четвероногий друг отсутствовал.

Оторвавшись от бумаг на столе, доктор протянул мне направление в Пастеровский институт и успокоил:

– Сорок уколов в живот, и вы точно останетесь в живых.

У меня невольно вырвалось:

– Как, все сразу?

– Да нет, по одному в день.

– Но я уезжаю...

– В нашей стране даже в деревнях есть медпункты, – строго ответил безжалостный травматолог. И, как я узнала

позже на собственном опыте, это была чистейшая правда.

В Пастеровском институте мне выдали ампулы с антирабической сывороткой, инструкцию по их применению с формой для отметки выполненных работ, а также брошюрку с подробным описанием симптомов болезни и всех стадий ее протекания. Прочитав про ужасы, ведущие к неминуемому летальному исходу, я поняла, что колоться надо, и приступила к вакцинации, не жалея собственного живота. Через два месяца после окончания курса мое тело стало покрываться яркими красновато-розовыми чешущимися пятнами. Без особого труда в районном диспансере высыпания диагностировали как атопический дерматит, который по сути является близким родственником экземы (иногда он выступает под фамилией Нейродермит). Оба заболевания и их многочисленные вариации, зачастую связанные с неполадками в работе желудочно-кишечного тракта и проблемами с печенью, получили широкое распространение в народе. Они мешают людям из самых разных социальных групп вести нормальный образ жизни – другими словами, есть и пить, что хочется и сколько хочется в режиме полного несоблюдения режима.

Моя мама развернула бурную деятельность по спасению дочери от страшной напасти и с немислимыми трудностями пристроила меня в самое престижное научно-исследовательское лечебное учреждение СССР, сокращенно именуемое ЦэКаВэИ. В этом храме борьбы с кожно-венерологическим нездоровьем в ранге кандидатов наук, профессоров,

членкоров и академиков блистали звезды отечественной медицины. Яркий свет их знаний рассеивал сумерки сомнений у врачей всей страны и разгонял тьму незнания в мозгах студентов и аспирантов 3-го меда. Своим присутствием светила украшали любую конференцию в любом уголке земного шара. В свободное от лекций, консультаций, поездок, заседаний научных советов время они разрабатывали новые методики лечения и успешно применяли их в стенах собственного института.

Все счастливичики, попавшие на пятый этаж ЦКВИ, не только осознавали собственное невероятное везение, но и гордились сопричастностью к грядущим победам в области преодоления кожных недугов. Мы совершенно добровольно и радостно исполняли роли подопытных кроликов, не обращая внимания на условия нашего содержания в клетках-палатах. Однако новичка они поражали до глубины души, вызывая непреодолимое желание бежать немедленно и как можно дальше.

Человека непривычного легко было понять: весь пятый этаж распространял сильный, я бы даже сказала, удушливый запах, в котором аромат мазей на базе дегтя конкурировал с капустным духом очень диетических щей. Помимо обоняния удар наносился и по зрению, ибо внешний вид обитателей стационара производил неизгладимое впечатление на вновь прибывшего. Мужчины и женщины были одеты в изделия из байки, превратившейся от многократной стирки в

нечто измученно-серо-сине-бежевое с вечными пятнами от въевшегося в ткань дегтя. Из-под женских халатов и мужских пижам выглядывало нижнее белье непонятного цвета. Обладатели этой одежды в подавляющем большинстве были отмечены ярко-красными разводами от применения жидкости Каstellани. Иногда лица и руки пациентов и без кастеллани конкурировали с кумачом флага нашей страны.

Люди не один месяц проводили в ЦКВИ, чтобы избавить части тела от цвета государственной символики или чего другого. К счастью, человек быстро адаптируется к условиям выживания и уже через несколько дней перестает обращать внимание на внешний вид товарищей по несчастью, лекарственнопищевое амбре, на неудобство койко-мест в перегруженных палатах и на убогость мест общего пользования. Примерно через неделю первая стадия – испуг – проходит и наступает следующая – повышенный интерес к методам лечения.

Старожилы, готовящиеся к выписке, охотно делятся полученным опытом, а заодно и всеми сплетнями про врачей и обслуживающий персонал. Вскоре вы уже знаете все про всех и про все в стенах ЦКВИ и в медицине в частности. Вы в курсе, кто с кем, и кто против кого, и как надо лечить, и к кому надо попасть на консультацию, и кому надо дать денежку, чтобы тебя впустили в здание ЦКВИ после отбоя и при этом не донесли главврачу. Увы, административные нарушения грозили провинившемуся изгнанием из стационар-

ного цэкавэишнаго рая с указанием причины в документе о временной нетрудоспособности. Правда могла лишить большого величайшего завоевания социализма – получения причитающихся ему по бюллетеню материальных средств.

Первый больничный опыт не только расширил мой медицинский кругозор, но и заставил освоить программу по выживанию в непростых условиях. Фактически за два месяца я прошла начальный курс медико-житейского университета, овладела теоретическими и практическими знаниями и неплохо сдала первую сессию. Я усвоила, что мой диагноз – нейродермит – хотя со мной и навсегда, но с ним можно жить почти нормально, тогда как есть кожные болезни, неуклонно ведущие к полному разрушению организма. Разглядывая красочный наглядный материал, обильно развешанный по стенам кабинетов и смотровых, я радовалась, что у меня такое распространенное заболевание, спровоцированное сорока уколами мощнейшей антирабической сыворотки великого ученого Пастера.

И все же меня тяготила мысль, что все мои мучения напрасны, поскольку в Москве уже лет десять не было зарегистрировано ни единого случая бешенства. С другой стороны, всегда существует вероятность нелепой случайности: а вдруг именно та предрассветная гостья из породы кошачьих была инфицирована? И что случилось бы, не сделай я прививку? Брр-р-р, страшно подумать. Мне хотелось найти объяснение, почему и за что я страдаю. Ничего лучшего в голову не при-

шло, как мысль, что на меня пало проклятье старой большевички. Похоже, мой невинный Пус все же был замешан в воровстве мяса из холодильника персональной пенсионерки всесоюзного значения.

Глава II

Мой друг и врач Света Зайцева

Любое хроническое заболевание, как правило, сопровождает человека по жизни до его конечного пункта назначения. Кто-то идет по своей жизни с песней, а кто-то с гастритом или с чем похуже. Впрочем, петь никому не возбраняется. У меня с двадцатичетырехлетнего возраста образовался верный попутчик – нейродермит. Хотелось мне или нет (а мне, конечно, не хотелось), но он был со мной всегда, и я не могла с ним не считаться. Частенько он диктовал мне свои условия совместного проживания. Он говорил: «Дорогая, ешь побольше жирного, соленого, острого, копченого, сладкого, клубники, цитрусовых. Запивай вином, шампанским, коньяком, пей как можно больше кофе, не соблюдай режим, и я не расстанусь с тобой ни на секунду. Я одарю тебя красными пятнами по всему телу. Твое лицо будет гореть нездоровым румянцем, и ты будешь постоянно чесываться. Мы будем счастливы вдвоем. Только ты и я, нам больше никто не нужен».

Согласитесь, чудная перспектива, но почему-то она меня не соблазняла. Я поступала наперекор его советам, воздерживалась от настойчивых рекомендаций, пила глюконат кальция, супрастин с тавегилом, воспаленные участки тела покрывала разными мазилками. Ненадолго мне удавалось избавиться от навязчивого спутника под ласковым крымским солнышком, принимая морские ванны. Если летом нейродермит уходил в отпуск, то начиная с октября и по ап-

рель он работал на полную катушку. Иногда мне приходилось спасаться от него в ЦКВИ и проходить курс лечения по методу доктора Самсонова, успешно защитившего кандидатскую диссертацию.

В какой-то период в ведущем центре страны по борьбе с кожными недугами увлеклись ПУВА-терапией (облучение ультрафиолетовыми лучами), однако мое знакомство с ней не состоялось. Ввиду моей беременности меня ПУВЕ не представили, а вместо этого отправили за государственный счет в санаторий в Сочи на целых двадцать четыре дня. Увы, кавказские красоты, повышенная влажность и Мацеста моему организму по душе не пришлись. Он хранил верность полынному духу Восточного Крыма. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят, и организм вместе со мной с удовольствием проводил утренние часы на пляже. Прислушиваясь к успокоительному шелесту морского прибоя, я невольно вспоминала озорную сельскую пенсионерку, развлекавшую цэкавэишных пленников малоприличными частушками из деревенского репертуара, исполняемого на свадьбах, святках и масленице. Вот как фольклор семидесятых прошлого столетия откликнулся на серьезную проблему мужского здоровья (из семейной переписки):

– Дорогая моя Муся,
Я сейчас в Сочах лечуся,
Поливаю х... водой,
Чтобы был он молодой.

– Дорогой мой Пантелей,
Воду на х... зря не лей.
Если нету в яйцах мочи,
Не помогут даже Сочи.

За три года до сочинского санатория у меня произошла еще одна встреча с Кавказом, связанная с проблемой здоровья. Оказалось, что первая из трех жен маминого дяди проживала в собственном доме в Абхазии и готова была предоставить мне и кров, и стол, а также свести с местной знахаркой, излечивающей от Всего.

И вот однажды августовским утром я прибыла в город Сухуми, где меня встретила вышеупомянутая жена номер один. Людвиг Модестовна была необыкновенной личностью. Родилась она в Саратове в семье поволжских немцев, ее отец служил священником в местной лютеранской церкви. Как она познакомилась с моим двоюродным дедушкой, я не знаю, но мне известно, что в сорок первом, когда их сынишке исполнилось девять месяцев, а фашистские полчища подступали к Москве, ее арестовали как немецкую шпионку. Однако Людвигу не расстреляли, заменив «смерть шпионам!» ссылкой в Сибирь, где нуждались в лишних, пусть и немецких, рабочих руках. В лагере молодая женщина чуть не умерла от тяжелейшего воспаления легких. Спасая заключенную, местный доктор без памяти влюбился в хорошенькую пасторскую дочку. После смерти Сталина Людвиг по-

лучила свободу, которой воспользовалась по собственному усмотрению. Ни в Москву, ни к маминому дяде она не вернулась. Она вышла замуж за спасшего ее в лагере врача, и они обосновались в небольшом абхазском поселке.

Увы, счастье было недолгим. Тяжелые годы в Сибири подорвали здоровье того, кто спасал от болезней других, и вскоре отняли у Людвиги Модестовны спутника жизни. Оставшись одна, она стала искать утешения в трудовой деятельности и овладела неженской профессией строительного прораба. Не только непосредственные подчиненные, но и все местное мужское население боялись Людвиги пуще огня, ибо пятнадцать лет сталинского Гулага превратили скромную саратовскую Гретхен в беспощадную воительницу Валькирию. В то же время женская половина поселка восхищалась и завидовала сельскохозяйственным успехам суровой и непреклонной Модестовны.

Она по праву гордилась своим садо-огородом, где произрастало все фруктово-овощное, о чем только могла мечтать советская хозяйка. В этом растительном раю проживали многочисленные кролики и одинокая гордая коза Катька, которые нуждались в дополнительном внимании. Его-то мне и поручили оказывать во время моего гостевания. В мои обязанности входило снабжение свежей травой кроличьего поголовья и кормление рогатой скотины опавшими фруктами, в основном персиками. Во владениях Людвиги Модестовны и травы, и плодов наблюдалось в изобилии. В благодатных

условиях влажных советских субтропиков сорняки постоянно брали приступом грядки благородных овощей и даже грозили виноградным рядам ароматной «изабеллы», из которой делалось домашнее крепленое и благоуханное вино.

Со своими обязанностями я справлялась легко. Кролики не жаловались, при моем появлении они трепетно прыдали ушками не то от лицезрения и запаха нового действующего лица, не то от предвкушения встречи со свежайшей вегетарианской жвачкой. С козой дела обстояли хуже. Дереза Катька сильно меня не любила, хотя я изо всех сил старалась ей угодить, принося в тазике отборные подгнившие персики, сыпавшиеся с веток на мать сыру землю. Возможно, Катька мне завидовала и хотела тех же истекающих сладостным соком плодов, которые я срывала с дерева и с наслаждением отправляла в рот. Но факт остается фактом: малейшее проявление внимания с моей стороны, как и простое передвижение по садовой дорожке вдоль загона, вызывало у животного бурные отрицательные эмоции. Абхазская Коза-дереза, опустив голову, разгонялась и неслась на меня. От коварного удара небольших, но опасно заостренных рогов меня спасала металлическая сетка ограждения. Козьи вероломные действия вызывали возмущение. Какая черная неблагодарность! Я ее кормлю-пою, а она покушается на мою жизнь! Только к концу каникул мне открылась истинная причина ее неприязни ко мне.

Встретив меня в аэропорту, Людвиг Модестовна, как и

обещала, немедленно направилась со мной к местной целительнице. Консультация обошлась в десять тогдашних рублей, а полученные рекомендации сводились к соблюдению режима дня, диеты, ежедневному трехразовому потреблению успокоительной настойки по старинному и секретному рецепту, а также наложению на пораженные участки кожи вонючей мази, изготовленной в домашних условиях руками альтернативного медицинского светила.

Прошла неделя, а обещанных молниеносных результатов лечение не приносило. И тогда Людвиг Модестовна взяла под личный контроль процесс моего выздоровления. Он заключался в следующем: за ранним подъемом с пробежкой на пляж и окунанием в море следовал плотный завтрак из мамалыги, свежеспеченного лаваша с огородной зеленью и домашним козьим сыром. Полученные калории тратились на полезный труд в саде-огороде и кормление домашних животных. Затем следовала передышка, приведение себя в порядок и накрытие обеденного стола к появлению хозяйки со стройплощадки. Трапеза проходила в непринужденной атмосфере. Беседа о том о сем сопровождалась поеданием жаркого из кролика, курицы или голубя, салата из овощей с грядки и непременно заливанием в меня стаканчика самодельного вина из дивной «изабеллы» последнего урожая. Само собой разумеется, что алкоголь вызывал у моего организма непреодолимую потребность в послеобеденном отдыхе. Пока моя почти что двоюродная бабушка Людвиг за-

канчивала разборку с увиливающим от обязанностей персоналом местного СМУ и готовила вечернюю еду, я отправлялась на прогулку к морю. За ужином меня поджидал еще один стаканчик вина. Я чувствовала, что божественный алкогольный напиток очень нравился моему нейродермиту и вредил здоровому образу жизни. Однако противостоять железной воле моей благодетельницы я не смела, да и не могла – кишка тонка.

А теперь о самом важном моменте в программе Людвиги Модестовны. Она собственноручно выдаивала козу и заставляла меня принимать вовнутрь три раза на дню по 250 граммов парного молока. Весь поселок мечтал заполучить целебный продукт. О пользе козьего молока всяк был наслышан и приписывал ему чудеса целительства, безгранично веря в его волшебные качества. Одна я ненавидела сей эликсир здоровья, отчего чувствовала себя виноватой и несчастной. Даже от запаха, не говоря уж о вкусе, меня выворачивало наизнанку. Признаться в этом было равносильно подписанию смертного приговора, и мой кошмар в абхазском раю длился до тех пор, пока я его не покинула. Коза – краса и гордость хозяйки – все чувствовала и, естественно, не могла простить мне отторжения своей продукции, за что и мстила, нанося разъяренные удары, достававшиеся, к счастью, не мне, а железной сетке. Через несколько лет дух всех бодливых Катерин угомонился, потому что мой сын с удовольствием пил целебное молоко, поставляемое подмосковной деревней Кать-

кой, полной тезкой сухумской козы.

Подведя итоги первой нейродермитной пятилетки, пришлось констатировать неутешительные результаты. Несмотря на разнообразные и прогрессивные методы лечения, заболевание сдаваться не собиралось. Зато в личной жизни за пять лет произошли перемены. Я вышла замуж, родила ребенка и поменяла место работы, став преподавателем кафедры иностранных языков в Московском высшем художественно-промышленном училище, основанном графом Строгановым для одаренных крепостных детей. Учебное заведение, называемое в народе Строгановкой, как и Муха в Питере, ковало дизайнерские кадры для Страны Советов во всех возможных областях прикладного искусства. Например, художники-монументалисты приложили немало усилий, чтобы советские города и веси украсить внушительными мозаичными панно и скульптурными памятниками, прославляющими трудовые, военные и мирные подвиги людей нашей великой державы.

Я с благодарностью вспоминаю годы, проведенные в Строганова, которые позволили мне с удовольствием и совершенно бесплатно учиться. К моим услугам была огромная библиотека с книгами, журналами, каталогами, альбомами, монографиями по живописи, скульптуре, ювелирному делу, мебели, тканям, керамике, фарфору, оформлению помещений, ландшафтов и предметов. Я ходила на всевозможные выставки и студенческие показы. А самое главное, в

укромном уютном уголке чудесного музея прикладного искусства, среди китайских ширм и ларцов графа Строганова, я обменивалась знаниями с прелестными дамами – служительницами кафедры истории искусства. Я пыталась привести в чувство их запыленные временем знания французского, а они прививали мне вкус к прекрасному, разрешая посещать свои лекции.

Среди моих студентов попадались симпатичные, талантливые, неординарно мыслящие люди. У всех за плечами была художественная школа, у многих имелся трудовой стаж по выбранной специальности, но они тратили еще пять лет жизни на овладение профессией, что вызывало у меня огромное уважение. Наверное, поэтому сегодня молодежь, преимущественно женского пола, объявившая себя дизайнерами после окончания несколькихмесячных курсов, вызывает у меня жалость, сострадание или что другое, но никак не доверие. Я знаю точно, что девальвация понятия «профессионализм» грозит всем нам страшными последствиями.

Кафедрой иностранных языков в мою бытность в Строганова заведовала Зоя Ивановна Бурова. Была она чрезвычайно колоритна. Тот факт, что ее отец долгие годы преподавал в МВХПУ, несомненно отразился на карьере дочери. В административных кругах училища она числилась человеком «из своих», что позволяло ей занимать высокую и ответственную должность. Справедливости ради надо отметить, что однажды она написала учебник английского языка и по-

стоянно его усовершенствовала, готовя к новым переизданиям. Заседания кафедры проходили всегда в принужденной атмосфере строгой деловитости с непременно отчетом одного из преподавателей и научным докладом другого. Повестка дня заканчивалась рубрикой «разное» и включала долгое чаепитие с отмечанием либо какого-нибудь праздника, либо чьего-то дня рождения. Коллектив был сугубо женский и состоял в основном из старослужащих и нескольких новобранцев вроде меня. Первая категория считала себя слишком молодой, чтобы уходить на пенсию, а вторая даже и мечтать о ней пока не смела.

Во время отчета и доклада каждый присутствовавший на заседании сосредоточенно смотрел в разложенные перед ним бумажки, имитируя бурную, но молчаливую мысленную деятельность. Одна лишь Зоя Ивановна была занята «настоящим» делом. Она приводила в порядок ногти на руках и наводила марафет, накладывая макияж на лицо и взбивая мелкозубчатой расческой кудри. Время от времени она громко сморкалась, отчего выступающий вздрагивал и застыл на мгновение с застрявшими в горле словами. В целом Зоя Ивановна производила впечатление человека не злобного, но легко поддающегося влиянию своей лучшей подруги, снедаемой завистью и диабетом. За чашкой чая и куском торта Зоя Ивановна ратовала за здоровый образ жизни, рассказывая бесконечные истории про своего третьего мужа Костика. Официального спутника жизни своей начальницы я нико-

гда не видела, но почему-то питала к нему нежные чувства. Зав. иностранным хозяйством нашего учебного храма искусства не скрывала истории знакомства с отставным полковником, имевшим счастье связать себя узами брака с женщиной, чье лицо удивительно напоминало характерное изображение грушеобразного лика французского короля Людовика XVIII.

Расставшись со вторым мужем, Зоя Ивановна решила немедленно реализовать третью попытку в преодолении планки счастливого брака. Как и героиня Ирины Муравьевой из фильма «Москва слезам не верит», она начала с научного зала библиотеки имени Ленина и с посещения всех мероприятий Дома ученых на Пречистенке. Улов научных кадров не оправдал ожиданий: слишком мелкие попадались экземпляры. Затем поиски героя продолжались в санаториях и домах отдыха. Однако и в тех и в других местах поправки здоровья преобладал женский контингент с немногочисленными немощными особями мужского пола. И тут кто-то посоветовал автору учебника отправиться в однодневный пеший поход – в столичной газете «Досуг» регулярно печатались объявления об экскурсиях с Белорусского вокзала. Идея Зое Ивановне понравилась. И вот, в одно прекрасное воскресное утро она в боевом раскрасе охотницы за мужскими скальпами, с рюкзаком за плечами и фляжкой коньяка вместо томагавка, надев удобный тренировочный костюм и кеды, вышла на туристическую тропу Подмосковья. Охота оказалась на редкость удачной. Где-то под Звенигородом в

плен был взят разведенный полковник Костик и в кратчайшие сроки приведен к брачной присяге.

Отставной военный Константин с удовольствием выполнял новые обязанности. Особенно ему нравилась дачная жизнь. Он завел двух немецких овчарок и поручил им охрану загородной резиденции. Собаки прекрасно справлялись с поставленной задачей, но не могли полностью себя обеспечить провиантом, поэтому хозяин каждые два дня приезжал с проверкой, ночевкой и запасами съестного. В холодные месяцы Костик топил дачную печь, и вся кафедра пребывала в волнении, как бы он не угорел. В теплое же время года мы переживали за садово-огородную деятельность новообращенного сторонника подсобного хозяйства Константина. Зоя Ивановна эмоционально комментировала работу мужа на приусадебном участке: «А мой-то, мой что учудил. Взял да под яблоней посадил два куста сирени. Да его за это надо самого на яблоне за яйца повесить, чтоб неповадно больше было». К счастью, расправа происходила только на словах, потому что мы регулярно получали сводки про действия Костика на дачном фронте. Вот он набрал в лесу корзину белых, повесил их сушить, а тут зарядили дожди. Грибы не выдержали влаги и сгнили. В другой раз бывший полковник забыл приоткрыть парник, и в нем полностью сопрела огуречная рассада.

В какой-то момент Костик стал исповедовать новую диетическую религию – сыроедение и даже каким-то образом

сумел обратить в нее свою супругу. Поначалу все шло хорошо. Зоя Ивановна подвела под модное увлечение теоретическую базу: мол, если бы приматы не ели сырые продукты, не превратились бы они в человека. Подавая нам наглядный пример, она в свои присутственные дни постоянно грызла морковь, хрустела листьями капусты и яблоками из Костикина урожая. Весь начальственный стол был уставлен принесенными из дома баночками и бутылочками, содержащими салаты и свежевыжатые соки. Теперь мы с медицинской точки зрения знали, какой овощ и какой фрукт лучшего всего отвечает за деятельность того или иного нашего органа и чего нам не хватает для полного счастья. Две кафедральные подлизы немедленно перестали ходить в преподавательский буфет и каждый перерыв демонстративно гремели стеклотарой, изображая на лицах блаженство. Правда, одну из этих подхалимок я застукала в женском сортире запикивающей в рот кусок сдобной булки, но пусть это останется на ее совести.

Вскоре у главной сыроедки начались проблемы с желудком, который не справлялся с переработкой обильно поступающей в него клетчатки. В отсутствие в те времена телевизионной фармацевтической рекламы Зоя Ивановна не знала, что если у тебя внутри «шум и гам», то тебе нужен эспумизан. Вдобавок к звуковым эффектам стопроцентный натуральный морковный сок отметил лицо и тело потребительницы бросающимися в глаза пятнами. Да здравствует пора-

жившая Зою Ивановну аллергия! Благодаря ей состоялось мое знакомство с чудесным человеком и врачом.

У преподавательницы нашей кафедры Зинаиды Георгиевны Зайцевой дочь Светлана закончила 3-й мед, поступила в аспирантуру и в свободное от написания диссертации время лечила пациентов в больнице имени Короленко, тесно соседствующей с моим возлюбленным ЦКВИ. В этой же цитадели борьбы с кожно-венерологическими заболеваниями находилась и соответствующая данному профилю учебная кафедра, возглавляемая профессором Машкиллейсоном. Он являлся научным руководителем Светланы Зайцевой и настолько высоко оценил способности своей аспирантки, что даже пригласил ее работать на вверенную его заботам кафедру. Светлана полностью оправдала доверие шефа и в положенный срок блестяще защитилась. Вместе со степенью кандидата медицинских наук она получила ставку на столичной кафедре. О такой карьере мечтали тысячи аспирантов нашей необъятной родины.

Как-то в перерыве между занятиями я сделала над собой усилие и решила предстать перед раздраженными сыроедением начальственными очами. В кафедральном помещении я застала необычную картину. Около сидевшей в кресле заведующей стояла миниатюрная девушка в белом халате врача. Она внимательно разглядывала агрессивные покраснения на лице и руках Зои Ивановны и тихим, но твердым голосом задавала вопросы. Было что-то такое в манерах бе-

лоснежной девушки, что вызывало немедленное к ней доверие и уверенность, что она может помочь. После осмотра, вынесения вердикта, полученных рекомендаций и выписки рецептов Зоя Ивановна сменила раздражение последних недель на гостеприимную любезность и громко обратилась к лаборантке:

– Эй ты, как там тебя, – забыла, пойди сюда.

Лаборантка с забытым именем, но с неиссякаемой надеждой получить учебные преподавательские часы по немецкому языку мигом пошла туда, куда звали. Получив пять рублей общественных денег, она помчалась в соседний гастроном за чем-нибудь к чаю. Всем остальным начальство велело сократить академические часы, отведенные на посев разумного, до минимума, озадачив студентов объемным домашним заданием. Строгановская учащаяся молодежь легко соглашалась на предоставление ей свободного времени и часто надолго исчезала из поля зрения, ссылаясь на неотложные профессиональные дела: выезд на пленэр, показ в конце семестра, молодежную выставку и т. д. Понятное дело, необходимость самостоятельной работы над иностранным языком напрочь забывалась.

Итак, отослав свою группу на художественную выставку и обязав всех написать по-французски рецензию на ее посещение, я вернулась на кафедру. Пока начальство что-то громко выговаривало второй лаборантке, Зинаида Георгиевна познакомила меня со своей дочерью Светочкой. Мы раз-

говорились и враз прониклись взаимной симпатией. Когда она узнала, что я живой подопытный кролик доцента Самсонова, то степень приязни возросла еще больше. В знак особого расположения мне было предложено перейти из многонаселенной цэкавэ-ишной клетки под личную опеку и заботу доктора Зайцевой. Я воспользовалась предложением и никогда об этом не пожалела. Долгие годы я следовала медицинским советам доцента Зайцевой и дружила с милой, скромной, чуткой, верной и надежной Светочкой.

Сегодня я понимаю, как мне всегда везло. В очень трудные моменты жизни я встречала замечательных человеко-врачей, таких как Светлана Юрьевна Зайцева. Она стала для меня, моих родственников и друзей настоящей палочкой-выручалочкой. Она мчалась по первому зову к страждущему, ставила верный диагноз и назначала правильное лечение. Она внимательно выслушивала потоки жалоб и задавала вопросы по существу. Из нее мог получиться прекрасный психотерапевт, а получился врач широкого профиля – именно такими, по моему представлению, были дореволюционные уездные доктора, и, наверное, Гиппократ имел в виду Свету Зайцеву, когда сочинял знаменитую клятву.

Неустанно повышая квалификацию, Света не боялась осваивать и применять новые методы. А я настолько ей доверяла, что не боялась их на себе испытывать. Однажды на какой-то научной конференции с докладом выступил академик от медицинского ведомства, работающего на космос. Он

так увлекательно рассказывал о возможностях электромагнитных колебаний высокой частоты, что Светлана Юрьевна немедленно возглавила движение по практическому применению КВЧ, для чего был взят в аренду специальный аппарат, эти самые колебания генерировавший. Направленные на определенные точки человеческого тела, они заставляли надлежащие клетки нашего организма работать изо всех сил и повышать иммунитет до заоблачных вершин. По мнению академика, волшебные колебания помогали от всего на свете, главное – направить их куда надо, чтобы расшевелить наши дремлющие силы самообороны. Если, например, пошевелить тлеющие угли, то появится пламя – так и с КВЧ: послал колебания в одно место – на голове оживились луковицы и выпустили ростки новых волос; сосредоточил их в другом – успокоилась боль в суставах, затихла мигрень. Что касается меня, то могу засвидетельствовать, что к десятому сеансу пятна весеннего или осеннего обострения бледнели, оставляя шероховато-шелушащуюся поверхность.

На смену одним увлечениям приходили другие. Как-то на очередном умном симпозиуме Светлана Юрьевна познакомилась с профессором Натальей Васильевной Красногорской, которая в том числе изучала связь некоторых физических явлений с экстрасенсорными. Тогда вокруг Джуны, Чумака, Кашпиоровского кипели невероятные страсти. Народные массы, соблазнившись простотой и доступностью лечения, рванули к экранам заряжать волшебной энергией баки

с водой. Происходили чудеса. Однако противоборствующие консервативные силы традиционной медицины не дремали. Целителей объявили шарлатанами и мошенниками. Тем не менее альтернативные методы не исчезли, и прогрессивные ученые, такие как Красногорская, решили научно посмотреть на биополе человека и поставить его на службу человечеству.

Отлично помню, как Наталья Васильевна появилась у нас дома с двумя ассистентами и неким прибором. Металлический треугольник с шариком на веревочке внутри поражал не только простотой устройства, но и магической способностью определять, что вам можно делать, а чего никак нельзя. Не подозревая пока еще о существовании фэн-шуй, треугольничек начинал раскачиваться в местах, неприемлемых для вашего пребывания. То же самое он проделывал над продуктами питания: чем интенсивнее шарик раскачивался, тем хуже и опасней для вас; а вот ежели он не двигался, то тем лучше. У ассистентов с прибором, очевидно, сложились особо доверительные отношения, ибо они безошибочно трактовали любое изменение положения шарика в треугольном пространстве. В результате произведенных манипуляций всему семейству были даны рекомендации. В благодарность семейство угостило экспериментаторов чаем от «трех индийских слонов» и пирожными. Несмотря на то что над эклерами с заварным кремом прибор пришел в сильное волнение, тем не менее их съели с удовольствием, не заду-

мываясь о грозящей опасности.

После ухода академической дамы и ее свиты мы несколько дней развлекались с временно оставленным в нашем пользовании прибором. В результате опытов в семье произошел раскол. Моя свекровь, сторонница и горячий приверженец традиционной медицины, категорически отвергла треугольные показания.

– Бред какой-то, – сказала она. – Почему это мне нельзя копченую колбасу и торт «Полет»? Глупости! Как ела, так и буду есть.

Возражать не имело смысла, хотя вредность перечисленных продуктов и без прибора была неоспоримой. В отличие от своей родственницы я придерживалась другого мнения. Во-первых, колебания умного прибора совпадали со списком запрещенных продуктов из памятки для аллергика-нейродермитчика, а во-вторых, все они по большей части повторяли наименования продовольственного дефицита, охватившего страну в тот период времени. У меня даже закралось подозрение, что профессору Красногорской Н.В. Центральным комитетом КПСС и лично товарищем генеральным секретарем было поручено разработать секретное оружие, сдерживающее население от потребления острого, соленого, сладкого, копченого, кофе, а заодно мяса, масла и других деликатесов. Если бы средства массовой информации поактивней поддерживали и продвигали методы Натальи Васильевны, то она наверняка получила бы Государ-

ственную премию за оригинальное решение проблемы продовольственного кризиса в СССР.

Бесконечные очереди в магазинах затрудняли существование. Однако я рассматривала их как идеальное место для аутотренинга по выработке позитивного мироощущения и улучшению персональной коммуникативности. Идею тренинга мне подсказал приятель Светы Зайцевой, сильно заикавшийся человек, проходивший курс лечения в медицинском центре. В качестве одного из упражнений врачи обязывали пациентов спускаться в метро и знакомиться с пассажирами противоположного пола. Как правило, для установления контакта лучше всего подходила невинная просьба о помощи. Например, можно было начать так:

– Извините, пожалуйста, вы не могли бы мне помочь? Я не местный, первый раз в метро и не могу разобраться, где лучше сделать пересадку, чтобы попасть в Кремль.

Конечно, подобное вербальное начало коммуникативного сближения с незнакомыми людьми в очереди за колбасой не годилось. Здесь требовалось не персонифицируемое обращение, этакий нейтральный словесный залп по негативно настроенному пространству. Достаточно громко и интонационно нерешительно озвучивался вопрос:

– Интересно, что больше подходит для солянки – сардельки или сосиски?

Неприменно среди мрачных охотников за продовольствием находился хоть один, кто готов был развеять ваши сомне-

ния, дав совет купить сосиски. Немедленно возникал другой, который предпочитал сардельки. В мгновение ока очередь делилась на два лагеря, достаточно мирно обсуждавших преимущества выбранного ими продукта. Атмосфера всеобщего недружелюбия смягчалась, и участники дискуссии, поддавшись неожиданному порыву, покупали ранее незапланированные сосиски или сардельки.

Нам со Светой очень тогда пришлись по душе советы Дейла Карнеги из его книги по теории общения «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Мы пробовали следовать некоторым из них, а потом делились впечатлениями. Полигоном для испытаний выбрали общественный транспорт в часы пик. Из-за высокого роста и громкого голоса, сформированного в доказательствах студентам моей неоспоримой правоты, мне было легче проводить эксперименты, чем моей миниатюрной подруге. Однажды за нее даже вступился мощный здоровяк, рывкнувший на весь вагон: «Поаккуратней, ребенка задавите!» С одной стороны, «ребенок» был благодарен, а с другой – огорчен, потому что постоянно боялся, что внешние данные мешают пациентам воспринимать ее серьезно, как врача.

Внесенная людским потоком в вагон, я делала все возможное, чтобы на следующей остановке меня им же не вынесло наружу. Я никого не расталкивала локтями, никому не наступала на ноги. Не тихим, но вежливым голосом я произносила краткий монолог:

– Извините, пожалуйста, мне не хотелось бы вас беспокоить, но я боюсь вас задеть или толкнуть, когда буду пробираться в середину вагона. Не могли бы вы пропустить меня?

Сие обращение вызывало у пассажиров шок. Они вжимались друг в друга, образовывая вокруг меня пустое пространство, позволявшее достичь нужной точки. Для выхода я применяла ту же тактику, иногда позволяя себе легкую улыбку. Как ни странно, но широкая улыбка по-американски нашими гражданами воспринималась плохо или скорее неправильно интерпретировалась. Как-то в троллейбусе, приветливо улыбнувшись, я попросила рядом стоявшего мужчину передать в кассу деньги за проезд. Получая от него билет, я опять машинально подтвердила слова благодарности сокращением мышц лица. Мужчина не выдержал и разразился гневной сентенцией:

– Перестаньте улыбаться и заигрывать со мной! У вас ничего не выйдет! – и, расталкивая народ, бросился к выходу.

Я опешила от такой «любезности» и чуть было не крикнула ему вслед:

– А ты, крокодил, давно смотрел на себя в зеркало? Тебе бы пугалом в огороде подрабатывать!

Но вовремя сдержалась, вспомнив, что я «девочка из хорошей детской». Однако осадок остался, и впредь во избежание повторения подобного инцидента я решила прибегать к улыбке для более адекватных особей противоположного пола.

Новое увлечение доктора Зайцевой изменило направление транспортных экспериментов. После очередного семинара профессора Красногорской, посвященного экстрасенсам, Светлана Юрьевна решила посмотреть на одного из них в деле. Она пригласила в больницу имени Короленко на стажировку молодую женщину, подающую большие надежды в области развития возможностей человеческого организма. Появление экстрасенса в орбите Светиных интересов совпало с моим осенним обострением нейродермита, и мне тут же помимо традиционной помощи была предложена альтернативная. Я согласилась: а вдруг поможет? Результат будет важен и для меня, и для доктора Зайцевой, и для подающей надежды экстрасенсши Лены.

Начались мои встречи-сеансы с долгого разговора о жизни вообще и о моих проблемах в частности. В дальнейшем я по большей части пребывала в лежачем расслабленном положении с закрытыми глазами. Ленины пассы отправляли меня в астрал с меняющимися цветными узорами по принципу детской игрушки «калейдоскоп». Иногда я дремала и оказывалась то на чудо-острове, то в ухоженном старинном парке. Увиденное мною я подробно пересказывала Лене, она осмысливала услышанное и делала выводы. Оказывается, все было не просто так. Космические цвета свидетельствовали о моем внутреннем состоянии. Часть суши, окруженная со всех сторон морем, принадлежала Древней Греции, и в какой-то из жизней я там родилась и служила богине Nike.

Я ничего не имела против почитания победоносной небожительницы и даже заказала ее трехмерное керамическое изображение знакомой скульпторше Наташе Вяткиной. До сих пор в кабинете мужа стоит величественная женщина в белом в ожидании грядущего полета. Чтобы не мешать пространственным перемещениям членов семьи и чтобы легче было производить влажную уборку, богиня держит крылья в сложенном состоянии. Что касается парка, то когда-то, по мнению экстрасенса Лены, я была его декором в виде мраморной вазы. Что ж, хоть и неодушевленно, но тоже неплохо. Красивая вещь, все любят, а я за ними наблюдаю, подмечаю, подслушиваю... Могли получиться неплохие мемуары.

Вскоре от экскурсов в прошлое мы перешли к дню настоящему, и пошли кармические дела: почему, откуда и куда, и как, и зачем? Они требовали внимательного и серьезного отношения к разборке полетов, к работе над ошибками и чистки чакр. Возникла и другая проблема – энергетическая. Чтобы правильно и успешно функционировать, человеку необходимо заряжать свой организм. Каждый делает это по-своему: кому нужна пробежка, кому холодный душ, а кому-то и чашки кофе достаточно для запуска дневного энергетического двигателя. Мы, бледнолицые европейцы, по большей части весьма халатно относимся к себе, в отличие от Востока, где многочисленные учения серьезно и внимательно исследуют человеческое тело и его возможности. Тем же занимаются и экстрасенсы, обладающие, наподобие авиационных

локаторов, повышенной чувствительностью. Они, например, улавливают так называемые энергетические потоки других людей и умеют управлять своими собственными.

Лена сообщила мне удивительную информацию. Подсчитано (кем и как, она умолчала), что у каждого из нас имеется примерно 81 тысяча каналов, по которым бежит энергия. Обычный, ни о чем не подозревающий индивидуум задействует всего лишь 15 тысяч из имеющегося у него арсенала, и ему хватает. Лена же знает, как максимально использовать способности организма, и может меня научить путем специальных тренировок развить все, что во мне заложено природой. Перспектива казалась заманчивой, а я, как и мой любимый герой лорд Горинг из пьесы Оскара Уайльда «Идеальный муж», могла противостоять всему, кроме соблазна.

Существовало и еще одно обстоятельство, оказавшее влияние на принятие решения подвергнуть себя очередному эксперименту. Дело в том, что я с юных лет подружилась с одной из более или менее точных наук – с физикой. По непонятным причинам она мне нравилась. Возможно, дело было не во мне и не в учебной дисциплине, а в той, кто ее преподавал, то есть в Лине Давыдовне Кац, которая безоговорочно следовала основополагающему принципу педагогики: главное – ребенка заинтересовать. В общем, физика меня заинтересовала, и я прониклась необъяснимой симпатией к закону сохранения энергии. В моем сознании этот закон приобрел вселенскую значимость, особенно в том, что касается

человека. Я его трактовала по-своему – субъективно, волюнтаристски, игнорируя реальные обстоятельства и пренебрегая объективно существующими условиями, короче – совершенно антинаучно. Я милостиво оставила древнегреческому слову «энергия» его значения – действие, деятельность, сила, мощь. Затем я поставила тире, и у меня получилось: «Энергия – это единая мера различных форм движения и взаимодействия материи. Один вид энергии может переходить в другой, но сама энергия не исчезает и сохраняется в замкнутой физической системе на протяжении времени».

Под различными видами энергии я подразумевала и мысли, и поступки людей, а под «замкнутой системой» имела в виду человека и космос, то есть вселенную, как структурно организованное и упорядоченное целое. Я полностью разделяла мнение великого грека Аристотеля, который впервые в своем трактате «Физика» ввел термин «энергия», обозначающий деятельность человека. Нравился мне и ученый Лейбниц, веривший в сохранение общей «живой силы» и повторявший, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Меня несколько не смущало энергетическое разнообразие: чем богаче оно, тем лучше, считала я. Я не забивала голову формулами для подсчета таких видов энергии, как кинетическая, потенциальная, гравитационная, электромагнитная. Очень хорошо, что энергия замешана в термодинамике и в различных химических процессах и что не обошли ее стороной в теории относительности.

Ах, как я радовалась, когда Лина Давыдовна процитировала мнение выдающегося преподавателя физики и нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана. В своих лекциях он так выразился о концепции энергии: «Существует факт, или, если угодно, закон, управляющий всеми явлениями природы, всем, что было известно до сих пор. Исключений из этого закона не существует; насколько мы знаем, он абсолютно точен. Название его – сохранение энергии». Мнение господина Фейнмана отлично вписывалось в мое сознание полной и законченной материалистки. Я рассуждала по-дилетантски просто и здраво и, как мне казалось, умно и оригинально. Кругом материя, у нее различные формы, которые взаимодействуют и не исчезают в никуда. Живые существа – это тоже некая разновидность материи, наделенная в процессе эволюции в большей или меньшей степени разумом. Любая деятельность «живой материи», как бы разнообразна она ни была и как бы ни трансформировалась, может быть измерена и, соответственно, оценена. Совершая те или иные действия, «разумная материя» должна понимать, к чему они могут привести (на то она и разумна), и не должна забывать, что «сила действия равна силе противодействия». В повседневной жизни это означает: как ты поступаешь по отношению к другим, так и чья-то иная материя может подобным образом обойтись с тобой.

Разнообразие живой разумной материи, так же как и силу ее энергетического поля, я объясняла индивидуальным ге-

нетическим кодом. Сии загадочные гены крутят нами и вертят как хотят, ну а если быть точными, то встреча сперматозоида и яйцеклетки родителей определяет наши физиологические и эмоциональные особенности, а также нашу жизнестойкость.

Шли годы, но никакие самые соблазнительные коврижки мира не поколебали мое юношеское увлечение законом сохранения энергии. Частенько я представляла себя этакой долгоиграющей батареей, которую по мере надобности можно ставить на подзарядку. Дополнительную. Энергию я получала от многих вещей: от вкусной еды, от интересной книги, увлекательного общения, захватывающего фильма, забавного спектакля, красивого пейзажа, от хорошо выполненной работы и многого другого. Поскольку моя профессиональная деятельность требовала больших энергетических затрат, я научилась пополнять израсходованные энергоресурсы. А потом, не задумываясь, вновь тратила их на занятиях со студентами.

Подобное расточительство меня не пугало, ибо настоящие неприятности исходили от так называемых энергетических вампиров, которые внешне ничем не отличаются от обычных людей. Они живут среди нас, совсем не страшные, а порою и весьма привлекательные, иногда даже приходится нам ближайшими родственниками. Ничего плохого они не делают, кроме одного: они вытягивают соки. Увы, чеснок, крест и осиноый кол против них бессильны. Как же быть? Как за-

щитить себя от незаконной врезки в собственный энергетический трубопровод и положить конец несанкционированной откачке горючего? Ну, суд и правоохранительные органы вам уж точно не помогут. В лучшем случае они вам посоветуют обратиться к врачу, а за вашей спиной покрутят пальцем у виска – мол, человек того, совсем сбрендил. Хороший психотерапевт вам объяснит, что подозреваемый вами в вампиризме субъект – это индивид с определенным складом характера, пытающийся подчинить людей своей воле, и предложит держаться от него подальше. Совет отменный, однако как им воспользоваться, если вампир – это ваш начальник по службе или родная мама? Хорошо, работу в конце концов можно и сменить. Ну, а маму куда девать?..

Вот в этой безнадежной ситуации, вполне вероятно, вам сможет помочь экстрасенс. Хотя ни в одном словаре – ни в энциклопедическом, ни в медицинском – не найти определения «энергетический вампиризм», экстрасенс считает его явлением весьма распространенным и умеет защищаться от непрошенных энергохалаявщиков. Что касается меня, то я прошла целый курс самообороны под руководством экстрасенса Лены. Во время обучения я рассматривала общественный транспорт как тренировочную площадку, на которой легче всего отрабатывать технику защиты от отрицательных энергетических потоков других индивидуумов. Начала я с простейшего упражнения – мысленного сооружения каменно-кирпичной стены, отгораживающей меня от остальных

пассажиров. Освоив примитивную кладку, я перешла к более сложному экзерсису – возведению непробиваемой стеклянной преграды. Прозрачный щит не только предохранял от покушения на энергетическую сущность, но и не мешал любоваться экспонатами живой портретной галереи. Простое стекло можно было заменять чем-то более изысканным. Скажем, почему бы не поместить себя в красивый сосуд завода «Гусь-Хрустальный» или в изделие с острова Мурано? Подошло бы что-нибудь и от фирмы «Баккара». А вот вычисленного вами вампира лучше всего было накрывать граненым стаканом и спокойно наблюдать, как он там задыхается от бессилия причинить вред. Лена считала, что любого возмутителя личного пространства возможно было временно вырубить, посадив в крафтовый мешок и перевязав его веревкой, чтоб не вылез, – мысленно, конечно.

Не стоит забывать, что именно вампиры любят выяснять отношения. Как говорится, слово за слово, чем-нибудь по столу, и вот вы уже в эмоциональном раздрызге, чего, собственно, и добивается современный вурдалак. Он внимательно следит за вами, и чем сильнее кипит ваш «разум возмущенный», тем ему лучше. Он преображается на глазах: как-то светлеет, разглаживается, что ли. А в тот момент, когда вы находитесь в состоянии, определенном нашей мудрой домоправительницей Маней с незаконченным начальным образованием как «убить готова!», он испытывает нечто сравнимое с оргазмом, расслабляется и на два-три дня удо-

влетворенно замирает.

Понятное дело, в целях самосохранения лучше всего подобных сцен избегать, но враг-то не дремлет. Он прекрасный охотник, умеет выслеживать добычу. Даже если вы сбегали на край света, скажем в Новую Зеландию, радоваться рано. Знайте, он затаился и ждет вашей полной реабилитации. Вы на краткий миг потеряли бдительность, и вас тут же пронзает сигнал вездесущей мобильной связи. И все по новой... Осознав, что вы в ловушке, лучше всего громко прокричать: «Плохо слышно!.. Алло! Алло!» Еще немного пошипеть в трубку и отключиться. И пусть подавится словами оператора: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны...» Увы, редко кто из нас готов отказаться от коммуникационных благ. Так, разве что иногда и ненадолго примерить на себя необитаемый остров Робинзона Крузо.

Профессия преподавателя не позволяла мне замыкаться, уходить в себя, дистанцироваться от окружающего мира. Со всем наоборот, я ежедневно выходила на передовую человеческого общения, преодолевая активное нежелание юных душ припасть к источнику знаний. Я шла в атаку, пытаюсь увлечь за собой ленивых и нелюбопытных. Они же в большинстве своем предпочитали немедленно сдаваться в плен на милость победителя. Наивные, они и не подозревали, что вместе с дипломом преподавателя я получила военный билет офицера запаса советских Вооруженных сил. «Ах, так? – говорила я себе. – Вам не нравится образ Свободы на фран-

цузских баррикадах в исполнении художника Эжена Делакруа? Что ж, посмотрим, как вы воспримете инквизитора с экзаменационной ведомостью в руке». И я безжалостно подвергала пленных пыткам и допросам, выбивая из них жалкие показания на псевдофранцузском наречии.

В любом случае я постоянно и не совсем экономно расходовала свои энергетические запасы, и время от времени они требовали пополнения. Есть мнение, что чем больше расходуете всего в течение жизни, тем больше получаете потом. Пожалуй, я с этим соглашусь. Поиздержавшись энергетически, я инстинктивно старалась вернуть растраченное. В первую очередь я набрасывалась на еду. Рацион мой был чрезвычайно ограничен, ибо нейродермит меня многого лишил. Как часто я мечтала о скромной яичнице-глазунье, улыбающейся со сковородки солнечными желтками, или о жареной картошке с хрустящими шкварками свиного сала. Я грезила о соленьях и маринадах, аромат копченой колбасы меня будоражил и манил сильнее запаха дорогих французских духов. Увы, вся эта вкуснятина пополняла список несбыточных желаний. Мой медицинский ангел-хранитель Светлана часто утешала меня:

– Однажды, – говорила она, – после очередной гормональной перестройки все может измениться. Организм перенастроится, и ты безнаказанно насладишься запретными для аллергика плодами.

В ожидании возможных трансформаций, вернувшись с

работы, я ела что-нибудь постное, безобидно варено-тушеное, а потому низкокалорийное. Из строго запрещенного я позволяла себе лишь чашку крепкого натурального кофе по утрам. Оправданием служило пониженное давление. Долгие годы я состояла в рядах гипотоников с артериальными показателями 90/60, с характерной непроходящей усталостью и безнадежным недосыпом, когда и целых восьми часов мало. Много лет я не употребляла кофе и я вернулась к этой привычке.

И тогда, и сегодня благоухание свежемолотого кофе бодрит меня сильнее ледяного душа, запахи съестного, как и визуальное восприятие продуктов, заряжают меня жизненными силами. Стыдно признаться, но продуктовые отделы знаменитых универмагов энергетически действуют на меня сильнее, чем экспозиции лучших музеев мира. От прогулок по роскошным паркам я получаю удовольствие не меньшее, чем от посещений рынков. Воспоминания о прилавках советских гастрономов, таких как «Смоленский» или «Елисеvский», до сих пор греют мою душу.

Не хлебом единым подпитывалась моя внутренняя активность. Все возможные стихии (воздух, вода, земля, огонь) подкидывали в топку нервной системы необходимое горючее. Вместе с подрастающим ребенком вся семья с апреля по октябрь дышала свеженьким подмосковным дачным воздухом. Месяц июнь, проведенный с сыном в Крыму, на год пополнял его и мой запас витамина D и йодомарина. Юная

поросль не давала расслабиться и зимой, заставляя выходить на лед, кататься на чем придется с любых гор, а в новогодние каникулы ежедневно вставать на лыжи. Наша городская квартира не одобряла поклонения стихии открытого огня, считая, что вполне достаточно летних костров на даче. Другое дело свечи: жги сколько хочешь, любуйся нежным мерцанием и заряжайся от него, пока воск не истает, заодно и электроэнергию сэкономишь. А недавно еще один знакомый экстрасенс настоятельно рекомендовал аж дважды в день пользоваться свечами для восполнения личной энергии. Всегда в квартире можно отыскать укромный темный уголок, уединиться в нем и, по возможности не мигая, несколько минут глядеть на пламя свечи. Попробуйте, вдруг эта несложная манипуляция с огнем вас взбодрит.

В списке моих персональных зарядных устройств имеется несколько очень мощных: городские площади, кладбища и залы с концертами классической музыки. Когда я посещаю эти места, душа моя отделяется от тела и устремляется в неведомые края, к счастью, временно. Площади, в моем представлении, кроме прямых своих обязанностей выполняют и другую очень важную работу. Они служат энергетическими резервуарами, добавляя ко всему прочему и функции фильтра. То есть отрицательные человеческие выделения они отправляют в космическую химчистку, и после спецобработки на площади возвращается положительная аура.

Места упокоения усопших действуют иначе. Со спокой-

ным достоинством имени на памятниках неторопливо ведут беседы друг с другом. Они рассказывают истории из своей жизни, говорят о победах, поражениях, о неизбежной разлуке... Они напоминают посетителям: «Все пройдет – и печаль, и радость. Наслаждайтесь жизнью, пока можете. Не забывайте нас, мы – прошлое вашей страны, мы – часть ее богатой культуры...» И правда, где бы еще вы встретились с Гоголем, Чеховым, Булгаковым и Станиславским на участке в триста квадратных метров? А на кладбище Новодевичьего монастыря – запросто. Оказавшись первый раз на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, я плакала от гордости за державу. Из-за страшных обстоятельств в начале двадцатого века ей пришлось подарить Франции и всему миру таких великих людей! Сегодня они украшают историю культуры нашей планеты. Я читала славные имена на памятниках и испытывала такой мощный прилив чувств, какого и припомнить не могла. В маленьком, красивом и уютном русском храме при кладбище я поставила свечку в благодарность за спасение моих выдающихся соотечественников.

По своему складу характера я антагонистка Козы-дерезы из одноименной русской народной сказки. В отличие от легендарной героини, агрессивной, всем недовольной и постоянно жалующейся: «Бежала через мосточек, ухватила всего лишь кленовый листочек да сделала водички глоточек», – я всегда искренне радовалась любой возможности «ухватить» у происходящих событий «вкусенький листочек» и сделать

«энергетический глоточек». Любые положительные эмоции меня заряжали, надо было лишь правильно настроиваться. Думаю, не каждому человеку удастся с легкостью находить в повседневной жизни моменты со знаком плюс. Однако мне казалось, что этому можно научиться, особенно с помощью тренера-экстрасенса, которому доверяешь, конечно.

Мой муж, физик по образованию, не мешал мне работать над собой. Мои разглагольствования про биополе его забавляли, и однажды, насмешливо глядя на меня, он задал простой вопрос:

– А скажи, душа моя, чем измеряется твое поле?

– Чем-то, – ответила я и занервничала, потому что понятия не имела, как его меряют. – Это ты заканчивал МИФИ – кому, как не тебе, знать ответ.

Лучший способ защиты, то есть нападение, не сработал, и я выслушала небольшую лекцию. Я узнала, что с точки зрения физики биополе – темная лошадка и не существует общепринятой единицы его измерения. Возможно, оно включает исходящую от человека тепловую энергию в джоулях, его магнитные излучения в гауссах, частотные колебания организма в герцах... «И еще, – подумалось мне, – что-нибудь в чем-нибудь, основательно изученное восточной медициной с ее созерцательно-медитативным подходом». Затем встрепнулось мое энергетическое эго: «Минуточку, минуточку, – встряло оно в размышления, – а как же наши доблестные космические силы и прочие другие, разрабатывающие спец-

методики и спецоборудование для выбивания максимума из нашего организма? Ведь без усилий нашего биополя тут никак не обойтись». Все же я сочла, что определение единицы измерения биополя, как и выяснение отношений с законспирированными структурами особого назначения, лучше отложить на неопределенное время. А пока что я вернулась к теме вампиризма. Я знала, что в этом вопросе у меня много сторонников. Я также знала, что постоянно подвергаюсь вероломным нападениям вампиров и что мне надо держать энергетическую оборону. Подозревая, что муж не разделит моей точки зрения, я обратилась за поддержкой к самой умной и очень образованной своей знакомой с точно-научным университетским образованием. Стараясь не слишком сильно задеть мои чувства и не вступая в споры, она тактично донесла до меня свою трактовку проблемы.

– Видишь ли, – мягко сказала она, – мне кажется, что все дело в человеческом характере, в его силе, темпераменте и в умении сознательно или бессознательно манипулировать другими. Часто те, кого ты называешь вампирами, – люди, неудовлетворенные жизнью, завистливые, недобрые, эгоистичные или страдающие всякого рода нарушениями нервно-мозговой деятельности. Не считаясь по возможности ни с кем, они психологически давят на окружающих, навязывая свое, терроризируя, шантажируя и рассчитывая на добропорядочность и совестьливую своей безошибочно правильно выбранной жертвы-реципиента.

– Логично, – согласилась я, – и все же вампиры существуют. Ладно, так и быть, пойду на компромисс. Если слово «нежить», обозначающее фантастических неприятных существ в образе человека, использовать в переносном смысле, то закомплексованных, неудовлетворенных манипуляторов, обиженных обстоятельствами плюс имеющих некоторые психические отклонения, спокойно можно выделить в условную категорию «энергетических вампиров». И дальше дело ваше: хотите – боритесь с ними, а не хотите или не можете – хай пьют злодеи вашу кровушку.

Мы со Светой Зайцевой всеми силами пытались противостать нечисти, избрав простой, но верный способ, доступный каждому. Его четко сформулировал величайший коллективный разум русской литературы второй половины девятнадцатого века Козьма Прутков: «Если хочешь быть счастливым – будь им». Свете этого очень хотелось, и она многого добилась на пути к намеченной цели. Ее родители души в ней не чаяли, баловали ее всеми доступными им средствами и изо всех сил ей помогали. От них она получила дивные подарки – безграничную любовь и преданность. Они безмерно гордились своей девочкой-Дюймовочкой, и она оправдывала их ожидания. У нее была активная жизненная позиция, в соответствии с которой она блестяще защитила кандидатскую диссертацию, поменяла комсомольский билет на членство в КПСС, состояла членом различных научных обществ, читала лекции, вела семинары и ездила

на всесоюзные конференции с докладами. Сам Асаф Львович Машкиллейсон, выдающийся советский дерматолог, ведущий профессор ЦКВИ и заведующий кафедрой 3-го меда, оставил Светочку при себе, что по тем советским временам было неслыханной честью и удачей. Членство в Доме ученых давало Светлане Юрьевне возможность не только посещать все мероприятия сего процветающего клуба светочей науки, но и водить друзей в его недорогой ресторан. Вкушая, скажем, селедочку под шубой в нарядном зале шикарного московского особняка на Пречистенке, ты ощущал некую причастность к лидирующей в мире советской науке.

Вела Света и бурную светскую жизнь. Она была настоящей тусовщицей, посещала все художественные выставки, все театральные премьеры. Очень любила классическую музыку, прекрасно в ней разбиралась, иногда сама садилась за пианино, но предпочитала концерты в консерватории. Света часто бывала на просмотрах в Доме кино, с нетерпением ждала московских кинофестивалей и покупала абонементы в «Иллюзион», где крутили ностальгическую мировую классику. Она всегда находила время для дружеских посиделок, никогда не забывала про дни рождения своих знакомых и родителей. Чтобы не ходить каждый вечер встречать дочь к метро, папа Юрий Иванович подарил Светлане новенькие, веселенького цвета «Жигули», на которых она легко бороздила московские просторы.

Каждую зиму Домбай готовил для Светочки лучший

подъемник, и она отважно преодолевала любые склоны. Нравились ей и обычные лыжи, редкие зимние выходные обходились без поездок за город в лес и лыжной пробежки в 10–15 км. Как и положено девочке из хорошей советской семьи, Света кроме музыки занималась фигурным катанием. В память о счастливой безмятежной поре раза два за сезон она доставала с антресолей фигурные коньки и выходила на лед. Несколько раз мы даже проделывали это вместе на Патриарших прудах, после чего шли ко мне пить чай.

Английская спецшкола и свободное владением языком Шекспира помогли кандидату медицинских наук Светлане Юрьевне Зайцевой быть в курсе всех зарубежных научных новинок в области дерматологии, да и в других сферах тоже. Год от года ее профессиональные интересы становились все обширнее, она постепенно повышала квалификацию и превращалась во врача широкого профиля. Если заболел кто-то из моих близких, я немедленно звонила Свете, и по моим сбивчивым описаниям симптомов она ставила диагноз. Не помню случая, чтобы она ошибалась. Много лет Света была нашей семейной неотложкой и скорой помощью.

Когда наступили девяностые годы, Светлана Юрьевна решила попробовать свои силы в частном предпринимательстве. Она одной из первых открыла в Москве коммерческое медицинское предприятие, назвали его «Медитоном». Работал он по многим направлениям, но в основном специализировался на пластической хирургии, косметологии и услу-

гах дантистов. Светлане удалось собрать отличную команду. В «Медитоне» трудились первоклассные специалисты. В уютном евроотремонтированном подвальчике позади театра Вахтангова разместилось новейшее и дорожущее зубо-врачебное оборудование, обзавелись здесь и приборами по приведению дам всех возрастов в состояние полной лицевой неотразимости. По сравнению с косметологическим филиалом «Медитона» в Николо-Песковском переулке соседствовавший с ним Институт красоты на Новом Арбате казался замшелым второразрядным заведением.

Кое-что из медитоновского арсенала я испытала на себе. Но совсем не то, о чем подумали вы, дорогой читатель. Форму носа и разрез глаз я не меняла, жиры не откачивала, объем груди и губ не увеличивала, ботокс ни в какие места не вкалывала. «Так что же тогда ты там делала, Алиса?» – спросите вы. Отвечаю: «Я практически раскрыла тайну крема Азazelло». И хотя я не превратилась в ведьму, как Маргарита (впрочем, кто знает?), и не была стекла, как она, в доме Массолита, который, собственно говоря, и приютил Светин подвальчик, зато лицо и тело мои разгладились. Они поблескивали, как пасхальное яйцо, натертое растительным маслом. Целлюлит мой подтянулся, появилось некоторое внутреннее свечение, и без всякой метлы я без усталости летала по Москве, ибо после втирания чудодейственного ароматического масла в ногах появлялась невиданная легкость.

Сии невероятные метаморфозы явились следствием зна-

комства Светланы Юрьевны с представителями французской фирмы «Деклеор» на одной из международных косметологических выставок. Подаренные пробники она применила по назначению. Произведенный ими эффект оказался так хорош, что Света отправилась во Францию и посетила фабрику по производству этих чудесных средств. Она убедилась в полной натуральности используемых компонентов и без всяких посредников договорилась с французами о прямых поставках в «Медитон». Пока фирма «Деклеор» завоевывала мировой рынок, мы в Москве всю пользовались ее новинками, нанося волшебные косметические изыски на все участки тела – от ногтей на нижних конечностях до последнего волоска на голове. Первая медитоновская пятилетка солидно отмечалась в Доме ученых. Были поздравления, речи, фуршет, «маленькие ночные серенады», нарядные гости, изрядно похорошевшие после прохождения оздоровительно-исправительных процедур. В разных журналах появились хвалебные отзывы с фотографиями: писали и о первом юбилее, и о предприятии, возглавляемом госпожой Зайцевой.

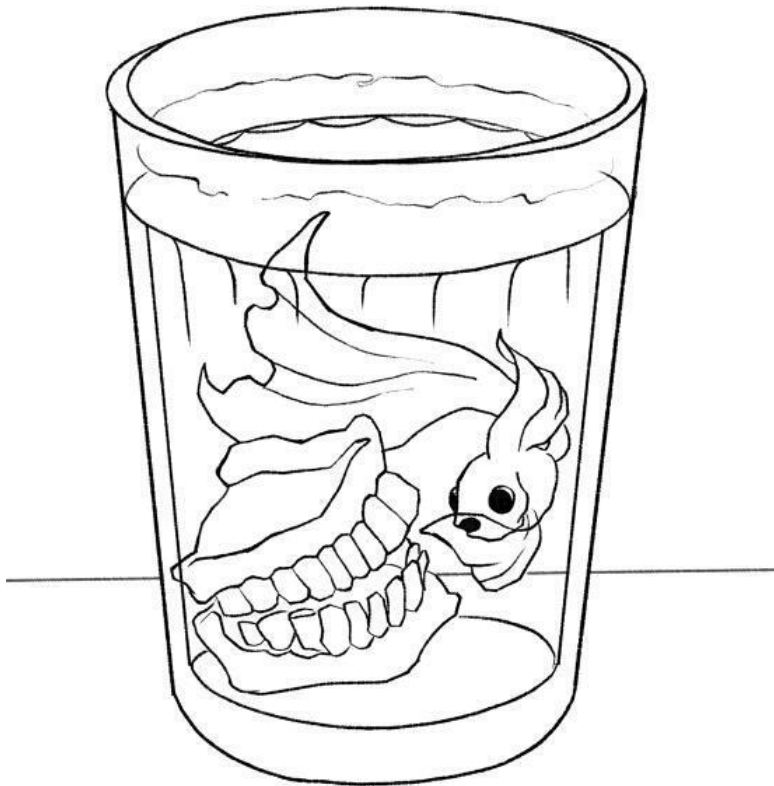
А потом все пошло как-то не так... Грянул мировой финансовый кризис. Появились серьезные личные проблемы, разгорелись внутриколлективные конфликты, начались дразги, чья-то нечестность и безответственность. Все вместе взятое привело «Медитон» к закрытию, что печально отразилось на судьбе его создательницы и руководительницы. Она рассталась с профессиональной деятельностью и стала

отшельницей, выбрав в спутники жизни Одиночество.

Тяжело было смириться со Светиным решением, а она, чтобы я не печалилась, на прощание одарила меня контактами с замечательными людьми. О них я непременно расскажу.

Глава III

**Трудно держать язык за
зубами, особенно когда их нет**

Дважды в советские времена мне доставались приглашения на закрытие Московского кинофестиваля. Для нас, простых москвичей, американский «Оскар», каннская «Пальмовая ветвь» и венецианские «Львы», все вместе взятые, меркли перед столичным синебиеннале. Меркли хотя бы потому, что весь киношный престиж существовал где-то там, далеко за железным занавесом, и дела нам до них никакого не было. Однако если кто-то из наших там, у них, получал по заслугам, то мы немедленно и надолго начинали изо всех сил гордиться нашими засланными к капиталистам творческими казачками. Мы самодовольно ухмылялись и снисходительно роняли на страницы газет и журналов:

– Ну, наконец-то остальной загнивающий мир понял, что не только «в области балета мы впереди планеты всей». До них дошло, что мы истинные гуманисты и даже иногда новаторы, как, например, не очень понятный Тарковский.

Сознание, что мы лучшие из лучших, не мешало нашему желанию на других посмотреть. Так как видеоэра в наших краях еще не наступила, то продвинутая московская публика раз в два года сначала маялась по очередям за абонемен-тами на праздник важнейшего для советских людей вида искусства, а потом рьяно смотрела все фильмы подряд, запасаясь впечатлениями и разговорами на последующие семьсот тридцать дней.

И вот однажды я оказалась в центре околосветивальных

событий, погрузившись на три недели в работу информационной службы кинофорума со штаб-квартирой в ныне не существующей гостинице «Россия». Нас, студентов иняза им. Мориса Тореза, привлекли в большом количестве на это международное мероприятие в качестве переводчиков для зарубежных гостей. Все мы придерживались правильной идеологической ориентации, были морально устойчивы и скромны в быту, а главное – владели разнообразными иностранными языками. Я несла службу на стратегически важном объекте в холле гостиницы, справа от входной двери. Над нашим оборонительным сооружением красовалась вывеска «Information», и мы тщательно скрывали от любопытствующих элементов места расположения заезжих кинозвезд.

В тот год спокойного брежневского застоя на московском кинематографическом небосклоне сияли достойные звезды скромной величины: Джина Лоллобриджида, Марина Влади, Тосиро Мифунэ, Беата Тышкевич, Даниэль Ольбрыхский и многие другие. Приглашенного и приехавшего сиятельно-го американца Ричарда Бартон так никто и не увидел. Его вынули из самолета в Шереметьево, загрузили в пентхаус гостиницы «Россия», откуда он так и не смог выйти в течение двух суток, после чего отбыл на родину. Если одного из многочисленных мужей Лизы Тейлор мне лицезреть не посчастливилось, то остальные знаменитости частенько мелькали в гостиничном холле. Наибольшее впечатление на меня

произвела молоденькая жена возрастного и суперизвестного Тосиро Мифунэ. Она была чудо как хороша – прямо-таки ожившая статуэтка дорогого японского фарфора, грациозная и изящная. О кривизне ее ножек, свойственной ее расе, судить не берусь: они предусмотрительно прятались под элегантным кимоно.

В тот год я первый раз в жизни одновременно увидела столько красивых женщин. Случилось это на банкете в Георгиевском зале Кремля по случаю закрытия нашего важного международного и культурного мероприятия. В те времена министерство кинематографии ради престижа не скупилось на денежки. Столы ломились от яств, алкоголь лился рекой. Подозреваю, что далеко не все любили Советский Союз, но русское застолье с черной икрой, водкой и шампанским нравилось всем. После краткого прощального приветствия главной культурной дамы Страны Советов Екатерины Фурцевой банкет стал набирать обороты. Гул голосов нарастал, количество и градусы потребляемых напитков все чаще провоцировали взрывы смеха, языковые барьеры рушились на глазах, а взаимопонимание росло. Веселые, беззаботные улыбки красили женщин пуще искусного макияжа, блестящих драгоценностей и вечерних туалетов, от разнообразия которых захлебывался мой неискушенный дух. Я глаз не могла отвести от высокомерной польской красавицы Беаты Тышкевич и от утонченной отечественной Анастасии Вертинской. Я и сегодня мысленно вижу пышущих соблазном

актрис из Ливана, тогда еще не тронутого войной. Вижу кинодив, сошедших с персидских средневековых миниатюр, — их прислал иранский шах, пока еще не свергнутый исламистами. Не могу забыть обвешанных драгоценными индусок, завернутых в метры яркого разноцветного шелка.

Тогда мне и в голову не могло прийти, что в мировом кинематографе грядет смена актерского имиджа. Суперэлегантная киноодежда пятидесятых и шестидесятых вместе с прекрасными Авами Гарднер, плотскими красивыми Лизами Тейлор, изысканными принцессами Одри Хепберн уходят навсегда. Им на смену торопятся повседневные «такие, как все», а la продавщица или маникюрша. Не будет больше красавцев, как Боб Тейлор, Грегори Пек или Жан Марс. Кончено! Баста! Придут малофактурные, более или менее накачанные, в лучшем случае смазливый мальчишки. Прошу понять меня правильно: я имею в виду только внешность. А талант, к счастью, пока еще не отменен. Его, как говорится, не пропьешь, или уж очень сильно надо постараться. В общем, хорошее кино всегда было, есть и будет, несмотря на полную «засериальность» нашей жизни.

Прошли годы... Мое кратковременное знакомство с околофестивальной жизнью превратилось в симпатичное воспоминание, зато вырос список увиденных и оцененных киношедевров. А главное — я твердо усвоила, что, как в педагогике, где нет плохих учеников, а есть плохие учителя, так и в кино: нет плохих актеров, есть плохие режиссеры. А вы-

вод из сего мудрого утверждения один: время надо тратить на звездных фильммейкеров, таких как Феллини, Висконти, Бергман, Бунюэль, Трюффо, Тарковский, Иоселиани, Уайлдер, Шлендорф, Менцель, Вайда...

В СССР началась перестройка, и в мире проснулся задремавший было интерес к нашей стране. Оживился и несколько застоявшийся в соцреализме Московский кинофестиваль. Через 25 лет после победы фильма «8½», по поводу которого шутили, что если «Семнадцать мгновений весны» разделить пополам, то все равно шедевра Феллини не получится, в 1987 году итальянский маэстро привез в столицу новую работу «Интервью». После «Амаркорда» Федерико в моем списке top ten (десять лучших) занимал верхнюю строку, и, конечно, мне ужасно хотелось посмотреть историю про студию «Чиничита». Узнав про мое желание, мой муж, подрабатывавший волшебником, немедленно достал пригласительный билет на два лица на церемонию закрытия фестиваля в концертном зале гостиницы «Россия» (бульдозерные амбиции столичного градоначальника тогда еще не проснулись).

На дворе стоял месяц июль, и дачный сезон выгнал народ из Москвы. Наше семейство радовалось лету в поселке Кратово. Всемирный потоп никогда бы не случился, если бы хляби небесные разверзлись в этом месте Казанской железной дороги. Какой бы силы и как бы долго ни шел дождь, через четверть часа здесь не оставалось и намека на природ-

ное водоизвержение. Вода уходила в песок, а многочислен-
ные кратовские сосны еще интенсивней начинали озониро-
вать подмосковный воздух. В этих благоприятных условиях
здоровый образ жизни распространялся как самый мощный
вирус. Он отравлял сознание и заставлял делать невероят-
ные вещи. Например, мы с моей питерской подругой Люсей,
которая разделяла со мной не только жизненные невзгоды,
но и некоторые скромные радости отпускного бытия, начи-
нали по утрам бегать вокруг кратовского озера, после чего с
повизгиванием окунались в его же мутноватые от илистого
дна воды. Мы ловили ультрафиолет, загорая в огороде сре-
ди плохо взошедших на грядках овощей, и качали мускулы
верхней части туловища, добывая из колодца воду для пи-
тья, мытья и полива. Мы охотились в местном продмаге за
едой и катались без устали на велосипедах по окрестностям,
навещая знакомых. Мы читали в тени зреющей антоновки
«Детей Арбата» и слушали передачи Сергея Довлатова по
более не заглушаемому «Голосу Америки». В непогоду мы
отчаивались с вареньем на деревянной веранде, а по воскре-
сеньям наводили в старом корыте угли для с трудом жуо-
щегося после термообработки шашлыка. И, безусловно, мы
горячо и самозабвенно обсуждали судьбы Родины, не забы-
вая про соблазнительные культурно-художественные сплет-
ни «кто с кем» и «чем дело кончилось».

Получив заветный билетик на киношный праздник, мы с
Люсей планировали покинуть дачный рай в воскресный пол-

день, до начала массового выходного исхода. Спокойно передвигаясь по безлюдной Москве, мы заедем переодеться и намарафетиться, после чего направим стопы на главное летнее столичное мероприятие. В предвкушении завтрашнего вечера мы наслаждались сегодняшним, попивая после позднего обеда ароматный чай с лейблом «Три слона» и радуясь покупке свежайших конфеток, завернутых в фантики с изображением счастливой и улыбающейся Буренки. Местный кратовский продмаг баловал дачников: постояв в очереди, они всегда могли купить чего-нибудь малополезного к чаю. Воронежские пряники, ванильные сухари, сушки с маком и тянущиеся «Коровки» почти всегда отличались свежестью: залеживаться на полках летом они не успевали.

В тот теплый субботний вечер, надкусив третью сливочную помадку, я ощутила во рту вместо блаженства некоторый дискомфорт – мне чего-то не хватало. Оказалось – передних зубов, застрявших в кондитерском изделии фабрики города Раменское. Осознав случившееся, я впала в панику, переходящую в истерику. Как такое могло случиться?! Всего три недели тому назад врач-дантист Татьяна Петровна, рекомендованная Светланой Юрьевной Зайцевой, наградила меня прекрасным протезом, который позволял демонстрировать окружающим импортную пластмассовую улыбку. Уж как я радовалась!.. Не могу сказать, что, заменив слегка искривленные от природы зубы на ровные, я сразу скинула несколько лет. Это было бы преувеличением, потому что

была я и так еще очень молода. Но похорошеть похорошела, ибо прибавилось уверенности за счет неотразимости улыбающегося жемчуга искусственных зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.